

ЛАБУРИНТ

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ



4

ПЕРЕЗАГРУЗКА
МАЛЫХ ГОРОДОВ

2023

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

Научный журнал

Издается с 2020 года

№ 4 — 2023

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
как электронное издание
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-78952 от 7 августа 2020 года*

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционный совет

Главный редактор:

Михаил Юрьевич Тимофеев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Владимир Абашев, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский общественный фонд культуры «Юрятин» (Пермь)

Марина Абашева, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Дмитрий Замятин, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского (Москва)

Мария Литовская, Государственный университет Чжэнчжи; Институт истории и археологии УрО РАН (Тайбэй, Китайская Республика (Тайвань) / Екатеринбург)

Якуб Садовский, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Михаил Строганов, Институт мировой литературы РАН; Тверское областное краеведческое общество (Москва / Тверь)

Елена Трубина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Сергей Ушакин, Принстонский университет (Принстон, США)

Мария Черняк, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Галина Янковская, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

Редакционная коллегия

Роман Абрамов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт социологии РАН (Москва)

Кирилл Балдин, Ивановский государственный университет (Иваново)

Константин Бугров, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

Ури Гершович, независимый исследователь (Иерусалим, Израиль)

Денис Докучаев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Оксана Игнатьева-Вильбоа, Пермский государственный национальный исследовательский
университет (Пермь)

Михаил Ильченко, Лейбниц-Институт истории и культуры Центральной и Восточной Европы
(ГВЦО) (Лейпциг, Германия)

Светлана Касаткина, Череповецкий государственный университет (Череповец)

Татьяна Круглова, Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Олег Лысенко, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Йордан Люцканов, Институт литературы Болгарской академии наук (София, Болгария)

Мария Миловзорова, Ивановский государственный политехнический университет (Иваново)

Лилия Немченко, Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина; Гильдия киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов
России (Екатеринбург / Москва)

Лариса Петрова, Екатеринбургская академия современного искусства (Екатеринбург)

Дарья Радченко, Московская высшая школа социальных и экономических наук; Российская
академия народного хозяйства и государственной службы (Москва)

Елена Раскатова, Ивановский государственный университет (Иваново)

Андрей Россомахин, Санкт-Петербургский государственный университет; Европейский
университет в Санкт-Петербурге; Государственный музей В. В. Маяковского
(Санкт-Петербург / Москва)

Ирина Савкина, независимый исследователь (Тампере, Финляндия)

Инна Смирнова, Ивановский государственный университет (Иваново)

Нина Спутницкая, Академия медиаиндустрии; Музей кино; Всероссийский государственный
институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва)

Джереми Ховард, Сент-Эндрюсский университет (Сент-Эндрюс, Великобритания)

ISSN 2713-3362

LABYRINTH

THEORIES AND PRACTICES OF CULTURE

Scholarly Journal

Has been issued since 2020

№ 4 — 2023

*The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media as an electronic edition
Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-78952 dated August 7, 2020*

Founded by Ivanovo State University

Editorial Council

Editor-in-Chief

Mikhail Yu. Timofeev, Ivanovo State University (Ivanovo)

Vladimir Abashev, Perm State National Research University;
Perm Public Cultural Foundation “Yuryatin” (Perm)

Marina Abasheva, Perm State National Research University;
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Dmitry Zamyatin, Vysokovsky Graduate School of Urbanism (Moscow)

Maria Litovskaya, National Chengchi University; Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Taipei, Republic of China (Taiwan) / Yekaterinburg)

Jakub Sadowski, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Mikhail Stroganov, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Tver Regional Local Lore Society (Moscow / Tver)

Elena Trubina, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

Sergey Ushakin, Princeton University (Princeton, USA)

Maria Chernyak, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)

Galina Yankovskaya, Perm State National Research University (Perm)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

© Ivanovo State University, 2023

Editorial Board

Roman Abramov, National Research University Higher School of Economics; Institute of Sociology RAS (Moscow)

Kirill Baldin, Ivanovo State University (Ivanovo)

Konstantin Bugrov, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Uri Gershovich, independent researcher (Jerusalem, Israel)

Denis Dokuchaev, Ivanovo State University (Ivanovo)

Oksana Ignatieva-Vilboa, Perm State National Research University (Perm)

Mikhail Ilchenko, Leibniz Institut; Institute of Philosophy and Law, (Leipzig, Germany)

Svetlana Kasatkina, Cherepovets State University (Cherepovets)

Tatyana Kruglova, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Oleg Lysenko, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Yordan Lyutskanov, Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Maria Milovzorova, Ivanovo State Polytechnic University (Ivanovo)

Lilia Nemchenko, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Guild of Historians of Cinema and Film Critics of the Union of Cinematographers of Russia (Yekaterinburg / Moscow)

Larisa Petrova, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Yekaterinburg)

Daria Radchenko, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences; Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Elena Raskatova, Ivanovo State University (Ivanovo)

Andrey Rossomakhin, St. Petersburg State University; European University at St. Petersburg; State Museum of V. V. Mayakovsky (St. Petersburg / Moscow)

Irina Savkina, independent researcher (Tampere, Finland)

Inna Smirnova, Ivanovo State University (Ivanovo)

Nina Sputnitskaya, Academy of Media Industry; Film Museum; All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov (Moscow)

Jeremy Howard, University of St Andrews (St Andrews, UK)

СОДЕРЖАНИЕ

Тематический блок. ПЕРЕЗАГРУЗКА МАЛЫХ ГОРОДОВ

Р.В. Петухов Доверие к местной власти и гражданское участие в контексте территориального развития	7
А.В. Марков Переименования как перезагрузка города в одном из стихотворений Виктора Кривулина	17
Л.Е. Петрова, Т.Ю. Быстрова Сайнс слэм в работе с наследием: кейс Арамильского креативного кластера, 2023	24

НАСЛЕДИЕ

В.В. Кузнецов Мифологический ландшафт города: храмы и монастыри Торжка	34
--	----

ПЕРСОНАЛИИ

А.К. Конёнкова Семён Иванович Маслеников — владелец гончарного завода в деревне Чернятка Тверской губернии	44
---	----

КИНОПАРАЛЛЕЛЬ

А.А. Портнов Водка с соджу — взболтать, но не смешивать. Россия и русские в корейском кино	53
---	----

Информация для авторов	61
-------------------------------------	----

CONTENTS

Thematic Block. REBOOTING SMALL TOWN

- R.V. Petukhov**
Trust in local authorities and civic participation
in the context of territorial development 7
- A.V. Markov**
Renaming as a reset of the city in one poem by Viktor Krivulin 17
- L.E. Petrova, T.Yu. Bystrova**
Science slam in working with heritage:
case of Aramil creative cluster, 2023 24

LEGACY

- V.V. Kuznetsov**
Mythological landscape of the town:
churches and monasteries of Torzhok 34

PERSONALITIES

- A.K. Konenkova**
Semyon Ivanovich Maslenikov is the owner of a pottery factory
in the village of Chernyatka, Tver province 44

MOVIE PARALLEL

- A.A. Portnov**
Vodka and soju — shaken but do not mix.
Russia and Russians in Korean cinema 53

- Information for the authors** 61

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 7—16.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 4. P. 7—16.

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.54347/Lab.2023.4.1

ДОВЕРИЕ К МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Роман Владимирович Петухов

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва, Россия,
E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли гражданской активности в выстраивании доверительных отношений между обществом и муниципальной властью. По мнению автора низкий уровень доверия органам местного самоуправления, фиксируемый опросами общественного мнения, является серьезным барьером для успешного развития российских городов и других муниципальных образований. Одним из способов восстановления институционально (вертикального) доверия является рост гражданской активности в различных формах. Эффективность этого подхода подтверждается российскими и зарубежными исследованиями. Однако автор настоящей работы доказывает, что положительное влияние на доверие к местной власти оказывает не любая гражданская вовлеченность. Определяющую роль здесь играет не форма участия, а характер взаимоотношений, которые складываются между активистами и органами местного самоуправления. Доверие имеет тенденцию к повышению только в тех случаях, когда эти отношения носят конструктивный характер.

Ключевые слова: туризм, развитие территорий, доверие, гражданское участие, гражданская активность, местное самоуправление, местная власть

Для цитирования: Петухов Р.В. Доверие к местной власти и гражданское участие в контексте территориального развития // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 7—16.*

Original article

TRUST IN LOCAL AUTHORITIES AND CIVIC PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Roman V. Petukhov

The Institute of Sociology of the FNISC of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, petukhovrv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of civic engagement in the creation of trusting relations between society and local authorities. The author thinks that a serious barrier to the successful development of Russian cities and other municipalities is the low level of trust in local self-government bodies, recorded by public opinion polls. One of the ways to restore institutional (vertical) trust is the growth of civic engagement in various forms. The effectiveness of this

approach is confirmed by Russian and foreign studies. However, the author of this work proves that not all forms of civic engagement have a positive effect on trust in local authorities. In this case, the main role is played by the nature of the relationship that develops between activists and local governments. Trust grows only when these relationships are constructive.

Keywords: territorial development, trust, civil participation, civil activity, local self-government, local authorities

For citation: Petukhov, R.V. (2023) *Doverie k mestnoi vlasti i grazhdanskoe uchastie v kontekste territorial'nogo razvitiia* [Trust in local authorities and civic participation in the context of territorial development], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, pp. 7—16.

Введение

Теоретически развитие города или другого муниципального образования является сложным процессом, в котором должны участвовать все заинтересованные стороны (стейкхолдеры). Однако на практике такая кооперация встречается редко. Чаще всего единственным локомотивом, тянущим за собой нелегкое бремя территориального развития, являются муниципальные власти, которым, по «долгу службы», приходится заниматься этими вопросами. Жители соответствующих территорий выступают в роли безучастных зрителей этого процесса и потребителей его плодов, которые чаще всего оказываются сомнительного качества.

Причины такого положения дел многообразны. В настоящей статье мы коснемся лишь одной из них, но очень значимой. Речь идет о низком уровне доверия к муниципальной власти, что является серьезным барьером для конструктивного участия жителей в развитии своих территорий. Для того чтобы люди перестали относиться к территориальному развитию как внешнему по отношению к ним процессу, необходимо изменить существующее сегодня восприятие муниципальной политики и роли рядовых граждан в ней. А оно довольно печально. Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в марте 2021 г.¹, 78 % опрошенных полагают, что не имеют возможности влиять на решения, принимаемые органами местной власти.

Однако преодоление недоверия к муниципальной власти не является простой задачей. В отличие от отношения к конкретным политикам (главы муниципальных образований или местные депутаты), которое часто носит ситуативный характер и может быть довольно быстро и кардинально изменено, доверие носит фундаментальный характер. Как отмечает Петр Штомпка, оно является залогом, создающим саму возможность каких-либо отношений [Штомпка, 2012: 80—82], а его строительство или разрушение является сложным и часто долгим процессом, на который влияют значительное число факторов, многие из которых изучены современным обществознанием недостаточно хорошо. Поэтому целью настоящей работы является продвижение на пути понимания механизмов формирования доверия к местной власти как необходимого элемента, обеспечивающего вовлеченность граждан в процессы территориального развития.

¹ Здесь и далее приводятся данные опрос общественного мнения, проводившегося по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Также в статье будут использоваться результаты опросов, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН по той же методологии в 2014—2018 гг. (N = 4000) и в 2019—2020 гг. (N = 2000).

1. Формирование доверия через гражданскую вовлеченность

В терминологии Петра Штомки доверие к местной власти может быть определено как частный случай публичного, или вертикального доверия [Штомка, 2012: 119, 365]. Основным объектом этого вертикально организованного отношения является государство и его институции, но у муниципалитетов есть существенные отличия, которые самым непосредственным образом влияют на формирования к ним доверия. Географическая близость, обусловленная относительно небольшой территорией муниципальных образований, создает условия для непосредственного взаимодействия между гражданами и представителями органов местного самоуправления. Причем речь идет не только о формальных процедурах, таких как прием граждан чиновниками, но и о бытовых коммуникациях, неизбежных в условиях совместного проживания или нахождения на одной и той же территории.

Близость местной власти открывает для граждан гораздо более широкие возможности для получения информации, необходимой для вынесения суждения о том, насколько можно быть уверенным в успешном исходе взаимодействий с ее представителями. Штомка отмечает, что для формирования доверия граждан к власти значимыми являются такие источники информации, как: (1) непосредственно полученная информация о текущем функционировании соответствующих институций, (2) опыт прямого взаимодействия с представителями власти и (3) сообщения средств массовой информации [Штомка, 2012: 366—367]. Однако познавательные стратегии в случае с государственными институциями и органами местной власти будут различны. В первом случае доминирующим источником информации будут СМИ и другие медиа, а во втором же случае большой объем информации формируется в процессе непосредственного взаимодействия с представителями муниципальной власти и рутинного повседневного наблюдения за работой подведомственных ей организаций в сфере жилищно-коммунального хозяйства, образования и культуры.

Лучшая осведомленность о деятельности местной власти, а также наличие механизмов, позволяющих влиять на ее персональный уровень, в теории создают предпосылки для большей понятности и предсказуемости этого уровня власти. Это является залогом доверительных отношений, если, конечно, обе стороны взаимодействия настроены на встречное удовлетворение. При этом эти отношения должны быть более крепкими, а уровень доверия более высоким по сравнению с региональной и федеральной властью. В западных источниках можно найти данные исследований, подтверждающих это гипотетическое предложение, основанное на логических умозаключениях².

Однако в России сложилась иная ситуация. Как видно из приведенного ниже рисунка, на протяжении целого ряда лет мониторинговые исследования Института социологии ФНИСЦ РАН показывали, что доверяющих органам местного самоуправления заметно (иногда в два раза) меньше, чем недоверяющих им (см. рис. 1). Согласно данным опроса, проведенного в марте 2021 г. по несколько измененной методологии³, органам местного самоуправления доверяли 37 % опрошенных, а не доверяли — 63 %. Для сравнения: по данным этого же опроса соотношение доверяющих и не доверяющих Президенту России составляло 63 % против 37 %,

² *Matuschek P.* Misstrauen gegen Institutionen wächst [электронный документ]. URL: <https://kommunal.de/misstrauen-institutionen-forsa> (дата обращения: 17.08.2022); *Mc Carthy J.* Americans Still More Trusting of Local Than State Government [электронный документ]. URL: <https://news.gallup.com/poll/243563/americans-trusting-local-state-government.aspx> (дата обращения: 17.08.2022); *O'Leary J., Welle A., Agarwal S.* Improving trust in state and local government. Insights from data [электронный документ]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/trust-in-state-local-government.html> (дата обращения: 18.08.2022).

³ Анкета опроса, проводившегося в 2021 г., не предусматривала варианта ответа «затрудняюсь ответить» на вопрос о доверии органам местного самоуправления.

федеральному Правительству — 43 % против 57 %, главам субъектов Федерации — 45 % против 55 %.

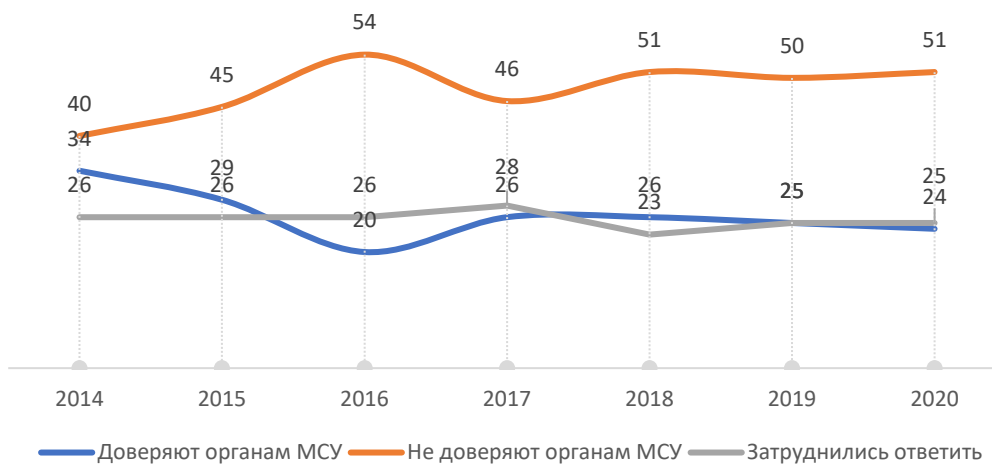


Рис. 1. Динамика уровней доверия и недоверия органам местного самоуправления, 2014—2020 гг., %

И все же низкий уровень доверия к российским органам местного самоуправления не опровергает сам принцип взаимосвязи институционального (вертикального) доверия и гражданского участия. Теоретические предпосылки для изучения этой взаимосвязи были сформулированы в рамках исследований коллективного действия в малых группах [Олсон, 1995; Остром, 1996; Патнэм, 1996]. Проблема или дилемма коллективного действия хорошо изучена в современном обществоведении. Основным рецептом для преодоления нежелания членов социальной группы идти на личные издержки ради достижения коллективного блага [Олсон, 1995: 19] является сотрудничество между активными членами общества в рамках различных форм гражданской вовлеченности (гражданское участие) [Остром, 1996: 344; Патнэм, 1996: 207]. Такого рода взаимодействия способствуют формированию социального капитала сообществ и поддерживают высокий уровень межличностного доверия. Исследования также показывают, что опыт гражданского участия положительно влияет и на институциональное (вертикальное) доверие [Козырева, 2011: 160—161; Уханова, 2022; Латов, 2021]. Считается, что практики гражданской вовлеченности эффективней всего работают в локальных сообществах, что соответствует муниципальному уровню системы публичной политической власти. Это и позволяет предположить, что опыт гражданского участия будет особенно сильно влиять на отношение к местным властям.

В российских условиях верность этого предположения уже подтверждена целым рядом эмпирических исследований [Реутов, Реутова, 2016; Симонова, 2017; Ширяева, Ленская, 2017]. Например, Реутов Е.В., Реутова М.Н. на основании многолетних исследований, проводимых ими в Белгородской области, приходят к выводу, что среди доверяющих местной власти больше тех, кто принимал участие в разнообразных локальных практиках гражданской вовлеченности (участие в субботниках по благоустройству придомовых территорий, локальной взаимопомощи, организации праздников или коллективных обращений в органы власти) [Реутов, Реутова, 2016: 16]. Об аналогичных результатах, но только на материалах исследований в Тверской области, пишет Е.В. Симонова, отмечая, что участники программ поддержки местных инициатив, отличаются от других опрошенных более высоким уровнем доверия к местным органам власти и склонностью рассматривать их в качестве защитников своих интересов [Симонова, 2017: 32—33].

Тем не менее было бы существенным упрощением полагать, что любой опыт гражданского участия одинаково влияет на отношения между обществом и властью.

На практике существует большое количество примеров и того, как инициативные граждане не встречали понимания у представителей местной власти, и того, как неприятия жителями решений власти приводило к акциям протеста. Поэтому верной кажется гипотеза о том, что гражданская вовлеченность влияет на доверие местной власти, но направленность этого влияния может быть различной и зависит от характера взаимоотношений между активными гражданами и представителями власти. В тех случаях, когда оно носит конструктивный характер, то можно ожидать укрепления доверия, а когда негативный или даже конфликтный характер, то доверие ожидаемо будет разрушаться.

2. Влияние различных форм гражданской активности на доверие местной власти

Большая часть гражданской активности либо связана с вопросами, находящимися в ведении местных властей, либо реализуется на территории муниципальных образований. При определенных условиях эта особенность может как положительно сказываться на доверии к органам местного самоуправления, так и отрицательно. Как будет показано ниже, решающую роль в этом играет то, какой характер (конструктивный или деструктивный) принимают отношения между активистами и представителями муниципальной власти.

Прежде чем говорить о влиянии различных форм гражданского участия на доверие органам местного самоуправления, необходимо отметить, что исследования, проводимые Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что практически половина россиян не принимает никакого участия в общественно-политической жизни страны (рис. 2).

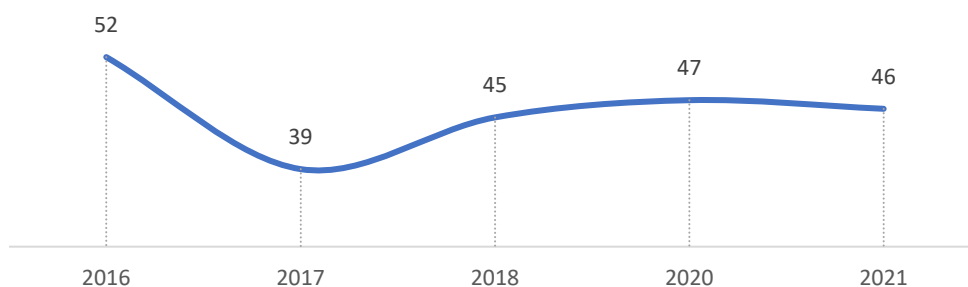


Рис. 2. Динамика доли опрошенных, не принимающих никакого участия в общественно-политической жизни страны, в %, 2016—2017, 2020 и 2021 гг.

В свою очередь, среди «активных» форм участия в общественно-политической жизни наиболее массовыми были голосование на выборах различного уровня (о своем участии в них заявило 40 % опрошенных) и обсуждение политических событий с друзьями (23 %). Затем с большим отставанием шли такие активности, как участие в выборах в качестве наблюдателя (6 %), общественное самоуправление (4 %), участие в благотворительных, волонтерских движениях (4%) и в профсоюзах (4 %) и др. (см. табл.).

Личное участие в общественно-политической жизни в течение последних одного — двух лет, в %, 2021 г.

Никакого участия в общественно-политической жизни не принимают	46
Участие в выборах, голосованиях в качестве избирателя	40
Обсуждение политических событий с друзьями	23
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя	6

Поддержка связи с единомышленниками в социальных сетях	5
Участие в деятельности профсоюзной организации	4
Участие в благотворительных и волонтерских движениях	4
Участие в общественном самоуправлении	4
Участие в работе общ. организаций по защите окружающей среды	2
Участие в молодежных, студенческих объединениях	2
Участие в публичных слушаниях	2
Участие в общественно-политических акциях	2
Участие в работе политических партий	1
Участие в деятельности правозащитных организаций	1
Работа в выборных органах местного самоуправления	1
Участие в религиозных организациях	0,6

Изучение статистических взаимосвязей между опытом личного участия и доверием показывает, что корреляции между ними имеются, но далеко не во всех случаях. Более того, корреляция некоторых форм участия с доверием может носить положительный, а у других — отрицательный характер. Как видно на рисунке 3, среди респондентов, имеющих различный опыт гражданского участия, по-разному распределяются пропорции доверяющих и не доверяющих органам местного самоуправления.

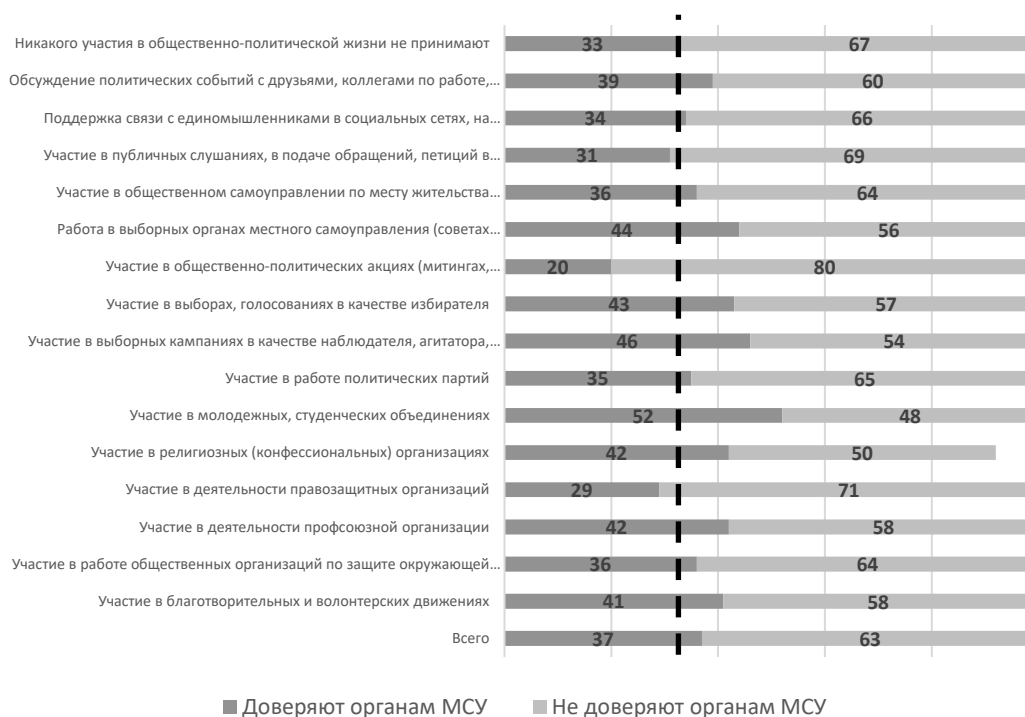


Рис. 3. Влияние опыта гражданского участия на доверие / недоверие к органам местного самоуправления, в %, март 2021 г.

Это позволяет разделить формы участия на три группы, к первой из которых могут быть отнесены те, которые положительно влияют на доверие (см. рис. 4), ко второй — отрицательно (см. рис. 5), а к третьей — те, которые не оказывают заметного влияния на интересующий нас показатель (см. рис. 6).

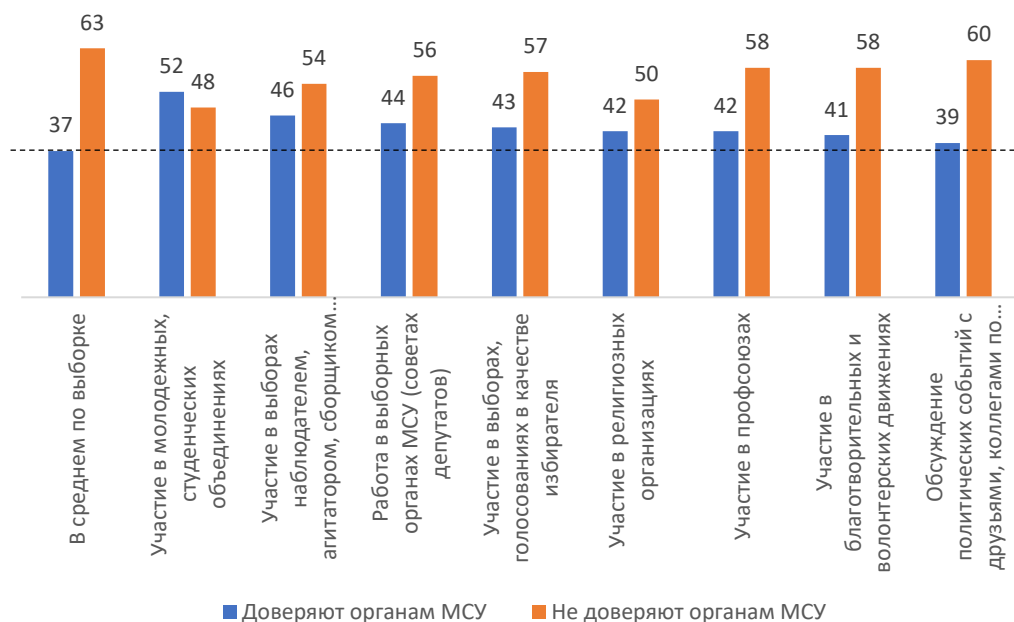


Рис. 4. Опыт гражданского участия, положительно влияющий на доверие к органам местного самоуправления, в %, март 2021 г.

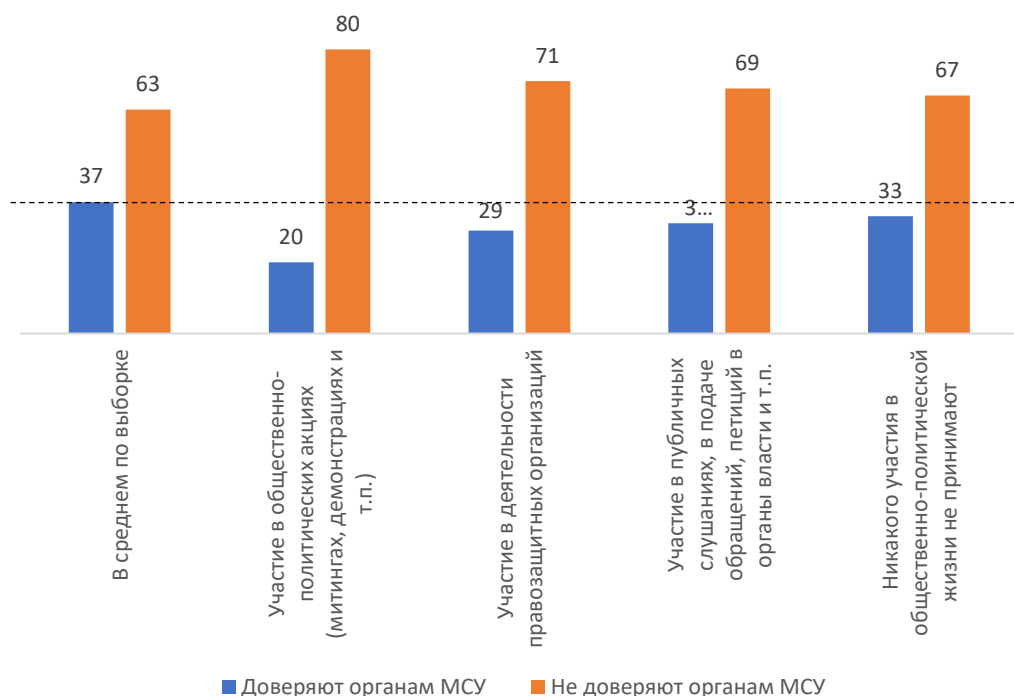


Рис. 5. Опыт гражданского участия, отрицательно влияющий на доверие к органам местного самоуправления, в %, март 2021 г.

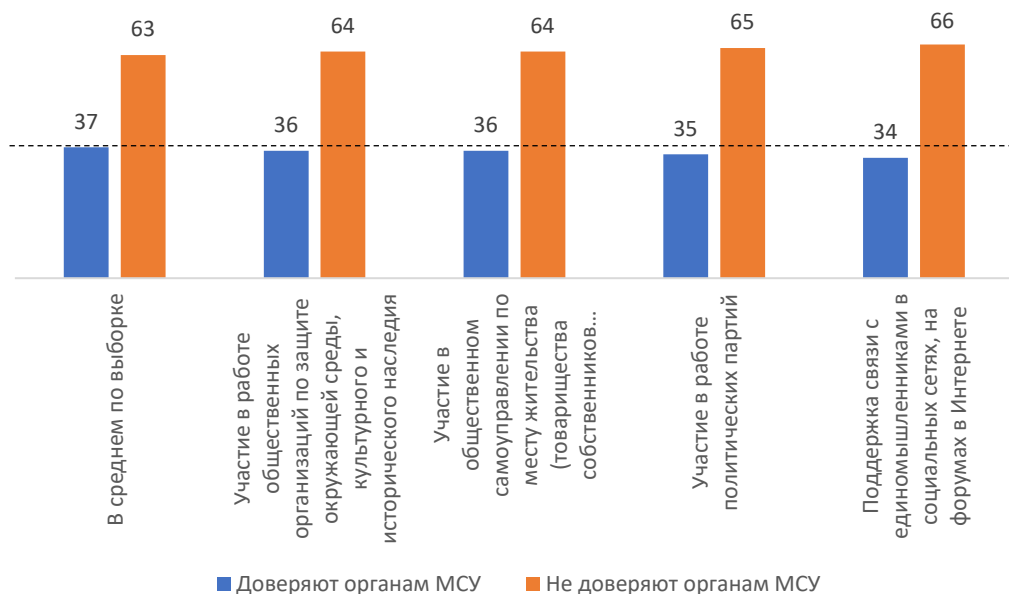


Рис. 6. Опыт гражданского участия, не влияющий на доверие к органам местного самоуправления, в %, март 2021 г.

Как видно из приведенных выше данных, формы гражданского участия можно разделить на три группы в зависимости от того, как опыт участия в них влияет на доверие местным властям. Наиболее позитивно на доверие к органам местного самоуправления влияет опыт участия в молодежных и студенческих объединениях. Среди респондентов, заявивших о наличии такого опыта, 52 % доверяет муниципальным властям, что на 15 п. п. больше, чем в среднем по выборке (37 %). В свою очередь, меньше всего доверяющих органам местного самоуправления среди опрошенных, имевших опыт участия в таких общественно-политических акциях, как митинги, демонстрации и т. п. В этой группе муниципалитетам доверяют всего 20 %, что на 17 п. п. меньше, чем в среднем по выборке.

Из этого можно сделать вывод, что доверительно к органам местного самоуправления чаще склонны относиться те, кто имеет опыт участия, предполагающий конструктивное взаимодействие между активистами и представителями власти. Важную роль здесь также играет возможность «своими глазами» увидеть, как работают органы власти и чем они занимаются. По крайней мере, именно участники разнообразных молодежных движений, наблюдатели на выборах и люди, избравшиеся местными депутатами, больше всего соприкасаются с повседневностью органов местного самоуправления. В свою очередь, опыт участия (даже единичный) в конфликтных отношениях между гражданами и представителями власти способен заложить основу для долговременного недоверия.

Заключение

Подведем итоги. Для успешного территориального развития необходимо, чтобы в соответствующих процессах помимо муниципальных властей участвовали также местные жители, их объединения и организации, а также другие заинтересованные стейкхолдеры. Однако в условиях крайне низкого доверия к муниципальной власти добиться такой кооперации невозможно. Люди избегают добровольного вступления в какие-либо отношения с властью, которой они не доверяют. Опросы общественного мнения показывают, что уровень доверия российским органам местного самоуправления находится на крайне низком уровне, но он все-таки до конца не разрушен. Поэтому восстановление доверительных отношений между обществом и муниципальной

властью является крайне важной задачей, без решения которой вряд ли возможно реализовать успешные проекты территориального развития в масштабах всей страны.

Существенную помощь в повышении доверия может оказать широкое распространение локальных практик гражданской вовлеченности. На потенциальную эффективность этого подхода указывают данные российских и зарубежных исследований. Однако, как было показано в этой работе, далеко не каждая форма гражданского участия оказывает положительное влияние на доверие к муниципальной власти. Определяющим фактором здесь является характер взаимоотношений между активистами и органами местной власти. Доверие растет только в тех случаях, когда складываются конструктивные взаимоотношения и людям удается лучше понять, как работают представители власти. В тех же случаях, когда нет прямого взаимодействия между активистами и органами власти или когда отношения приобретают конфликтный характер, уровень доверия может не меняться или, наоборот, снижаться.

Наконец, важно отметить, что для повышения институционального (вертикального) доверия важно не столько содержание гражданской активности и формы вовлеченности, сколько то, как выстраиваются отношения с представителями власти. Поэтому формы гражданского участия, отнесенные в настоящей работе к числу мало влияющих на доверие к местной власти или влияющих на него негативно, со временем могут изменить характер своего воздействия. Для этого необходимо поменять отношение к ним со стороны органов местного самоуправления.

Список источников

- Козырева П.М.* Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. 172 с.
- Латов Ю.В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161—175. DOI 10.17976/jpps/2021.05.11. — EDN SYMSKW.
- Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
- Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н.* Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 5. С. 12—21. DOI: 10.12737/22689
- Симонова Е.В.* Доверие органам местного самоуправления и участие граждан в региональных практиках инициативного бюджетирования: характер взаимосвязи (на примере Тверской области) // Научный результат. Социология и управление. 2017. № 1. С. 26—37. DOI 10.18413/2408-9338-2017-3-1-26-37. EDN YMНQJ.
- Уханова Ю.В.* Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 3. С. 25—50. DOI 10.31119/jssa.2020.23.3.2. EDN MCMRYK.
- Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

References

- Kozyreva, P.M. (2011) *Doverie i ego resursy v sovremennoj Rossii* [Trust and its resources in modern Russia], Moscow. Institut sociologii RAN. 172 p. (in Russ.)
- Latov, Yu.V. (2021) *Institucionalnoe doverie kak socialnyj kapital v sovremennoj Rossii (po rezultatam monitoringa)* [Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Resultsof Monitoring)], Polis. Political Studies. No. 5. P. 161—175. (in russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>
- Olson, M. (1995) *Logika kollektivnyh dejstvij. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups], Moscow. FEI. 174 p. (in Russ.)

- Ostrom, E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyuciya institutov kollektivnoj deyatel'nosti* [Governing the commons: the evolution of institutions for collective action], Moscow. IRISEN, Mysl. 447 p. (in Russ.)
- Patnem, R. (1996) *Chto by demokratiya srabotala* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow. Ad Marginem. 287 p. (in Russ.)
- Reutov, E.V., Reutova M.N. (2016) *Doverie k municipal'noj vlasti i integraciya social'nogo prost'ranstva mestnogo soobshchestva* [Trust to municipal authority and integration of social space of local community], *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. No. 5. P. 12—21. (In Russ.) DOI: 10.12737/22689
- Simonova, E.V. (2017) *Doverie organam mestnogo samoupravleniya i uchastie grazhdan v regional'nyh praktikah iniciativnogo byudzhetrovaniya: harakter vzaimosvyazi (na primere Tverskoj oblasti)* [Trust to local authorities and the participation of citizens in regional practices of initiative budgeting: the nature of the relationship (on the example of Tver region)], *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. No. 1. P. 26—37. (in Russ.) DOI 10.18413/2408-9338-2017-3-1-26-37. EDN YMHQJ.
- Uhanova, Yu.V. (2020) *Fenomen grazhdanskogo uchastiya v nauchnom diskurse: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya* [The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological background of the research], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. No. 3. P. 25—50. (In Russ.) DOI 10.31119/jssa.2020.23.3.2. EDN MCMRYK.
- Sztompka, P. (2012) *Doverie — osnova obshchestva* [trust is the foundation of society], Moscow: Logos. 440 p. (in russ.).

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.10.2023.

The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Роман Владимирович Петухов — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия. E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Roman Petukhov — Candidate of legal sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the FNISC of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 17—23

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 4. P. 17—23.

Научная статья

УДК 821.161.1-106

DOI: 10.54347/Lab.2023.4.2

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ КАК ПЕРЕЗАГРУЗКА ГОРОДА В ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ВИКТОРА КРИВУЛИНА

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, E-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Виктора Кривулина «На пути к дому» из книги «Композиции». В этом стихотворении представлено фантазмагорическое переименование улиц условного промышленного города в честь крупнейших русских философов XX века. Идеализация русской религиозной философии при этом сочетается со скорбным изображением не только прошлого и настоящего, но и будущего. Показано, что это стихотворение нельзя толковать только исходя из стандартных знаний о почтении к русской философии среди деятелей неофициальной русской литературы. В стихотворении существует своеобразный квантовый сюжет сложного взаимоотношения фактов и душевных состояний, понимание которого должно изменить оптику читателя. В стихотворении производится не новый взгляд на русскую культуру, а новый режим вовлеченности в русскую культуру. Анализ заявлений Кривулина о переименованиях, предполагаемых и реальных, показывает, что поэт видел в переименованиях эксперимент, позволяющий вскрыть структуру языковой деятельности, в том числе, границы наивного восприятия реформ языка. Различение внешней и внутренней речи, обоснованное Бахтиным и Выготским, а также теория рассказчика Беньямина, позволяет дать убедительную интерпретацию стихотворения. Субъектом поэтического высказывания в этом стихотворении является не представитель второй культуры, а условный чиновник, которому придется производить переименования. Стихотворение при всей своей краткости дает целую программу, при которой переименование не просто вызовет новые эмоции горожан или изменит их самосознание, но приведет к перезагрузке городской жизни. Такая перезагрузка подразумевает профессионализацию, концепцию города профессиональной занятости и чести вместо прежнего наивного восприятия топонимики, размывавшего городскую идентичность.

Ключевые слова: топонимика, перезагрузка, городская среда, переименование, городская поэзия, социальная поэзия, советская культура, вторая литература, В. Кривулин

Для цитирования: Марков А.В. Переименования как перезагрузка города в одном из стихотворений Виктора Кривулина // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 17—23.*

Original article

RENAMING AS A RESET OF THE CITY IN ONE POEM BY VIKTOR KRIVULIN

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation, markovius@gmail.com

Abstract. This article examines Viktor Krivulin's poem “On the Way Home” from the book “Compositions”. This poem deals with the phantasmagoric renaming of the streets of a conventional industrial city, perhaps a small one, in honor of the major Russian philosophers of the twentieth

century. The idealization of Russian religious philosophy is combined with a mournful depiction not only of the past and present, but also of the future. It is shown that this poem cannot be interpreted only on the basis of standard knowledge about the veneration of Russian philosophy among the figures of unofficial Russian literature. In fact, there is a kind of quantum plot in the poem, a complex relationship of facts and mental states, the understanding of which is supposed to change the reader's optics. The poem produces not a new view of Russian culture, but a new mode of engagement with Russian culture. An analysis of Krivulin's statements about renaming, intended and real, shows that Krivulin saw renaming as an experiment to uncover the structure of linguistic performance, including the limits of the naive perception of language reform. The distinction between external and internal speech, substantiated by Bakhtin and Vygotsky, as well as Benjamin's theory of the narrator, allows for a convincing interpretation of the poem. The subject of the poetic statement in this poem is not a representative of the second culture, but a conventional official who will have to carry out the renaming. The poem, for all its brevity, provides a whole program in which renaming will not just evoke new emotions in the citizens or change their self-consciousness, but will lead to a resetting of urban life. Such a reset implies professionalization, the concept of a city of professional employment and honor instead of the previous naive perception of toponymy, which blurred urban identity.

Keywords: toponymy, reset, urban environment, renaming, urban poetry, social poetry, Soviet culture, second literature, Viktor Krivulin

For citation: Markov, A.V. (2023) Pereimenovaniia kak perezagruzka goroda v odnom iz stikhotvorenii Viktora Krivulina [Renaming as a reset of the city in one poem by Viktor Krivulin], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, pp. 17—23.

Стихотворение Виктора Кривулина «На пути к дому» [Кривулин 2009: 94] — краткий конспект развития русской философской культуры в советское время: от испытаний Гражданской войны через память о репрессированных философях к глубокому разрыву между мировоззрениями различных социальных групп. В этом стихотворении кульминацией становится переименование городской топонимики: улицы, площади, скверы получают имена отвергнутых философов, испытанных эмиграцией или гонениями. Город этот промышленный, учитывая переполненный общественный транспорт, но не обязательно большой:

На пути к дому
 Петуха вызывали. Горели на чистом огне.
 К раскалённому боку буржук
 прижимая ладони, пеклись об холодной стране.
 Словно хлебы румяные, в землю зарыты чужую.
 Но буханки судьбы, вулканическим жаром согреты,
 испускают ростки — полосатые столбики, балки да шпалы...
 Будет: памятник Сергей-Булгакову, улица имени Шпета,
 сквер народный Флоренского, Павла.
 Остановка. Хрипит репродуктор невнятное. Где мы?
 На бульваре Бердяева. Давка и ругань: «Деревня!»
 И чиновник простуженный, хрупкая шейка системы,
 фитилёк спиртового горенья,
 выпадает наружу, вертится в морозном пару,
 облекается в облако, тает, ныряя в родную нору...

январь 1977

В литературоведении это стихотворение не получило убедительной трактовки, несмотря на множество очевидных мандельштамовских прототекстов: от *пшеницы человеческой* и «хлебов опарь» до садящегося в сани правоведа. Михаил Берг увидел в нем указание на возможный культ русских мыслителей как новомучеников, исповедников веры. «Серебряный век предстает в виде слоя несомненных авторитетов и при этом святых мучеников, легитимирующих своих наследников — неофициальную

ленинградскую литературу, в рамках триада прошлое-настоящее-будущее оборачивается дихотомией прошлого в виде Серебряного века, олицетворяющего потерянный рай, золотой век, испорченный утопией настоящего, и освобожденный в проекте будущего» [Берг, 2005]. Берг верно обозначает своеобразную обратную и при этом конструктивную перспективу этого стихотворения, но сомнительно, чтобы такую религиозную насыщенность образов можно было отнести к Шпету.

Более убедительно толкует это стихотворение Т.П. Хайрулин, который считает в образах стихотворения ряд узнаваемых исторических символов: от поджогов усадеб (вызвать красного петуха) до строительства железных дорог заключенными на крайнем Севере [Хайрулин, 2021: 47]. Хайрулин видит в этом тексте даже экфрасис памятника философам, ставшим жертвами репрессий. Но при этом уходит из виду тема эмиграции (хотя само название стихотворения подразумевает и возвращение памяти, и возвращение из эмиграции), и тема убогой жизни города и после переименований, где все так же толкуются в холодном автобусе — кроме того, опять же отнесение Шпета к религиозным философам, значимым для круга Кривулина и Горичевой [Там же: 48], более чем сомнительно.

Это стихотворение было включено поэтом в машинописную книгу «Композиции», переизданную в полном составе его вдовой [Кривулин, 2009]. В отличие от дебютной книги поэта, «Воскресные облака», которая должна была обосновать новую оптику, возможность необычным образом смотреть на природу, историю и духовный мир, книга «Композиции», разделенная на пять частей под условными мотивно-тематическими заглавиями, создавалась как определенная система сильных и слабых связей между произведениями. Сам автор называл это письмом «квантами» [Там же: 5]. Хотя он употребил это слово для обоснования архитектурно-музыкальной композиции каждой отдельной книги, своеобразная *квантовая запутанность* может быть понята как структурный принцип.

Архитектурное объединение стихов в большие кванты, собственная жизнь которых отличается от привычных читателю оптических режимов, противостоит привычной подборке или циклизации: стихи не столько перекликаются между собой, сколько как бы пульсируют, развивают одну тему, постепенно переходящую в другую. Если в книге «Воскресные облака» круг тем был заранее очерчен оптическим поворотом и включен в общую условно метафизическую установку книги, то в книге «Композиции» уже развиваются различные и часто слабо связанные темы. Тем самым читатель должен не просто перенастраивать свою оптику, а принять сложную квантовость книги как интенсивную фактичность, которая требует иначе отнестись и к собственному факту бытия.

Одна из таких тем — контуры изгнания, которые могут постоянно меняться: это может быть и внутренняя ссылка, и изменение границ страны после 1917 года, и интеллектуальный уход в себя, и перипетии эмиграции и возвращения. Кривулин в стихах книги обращается к известным примерам странничества и изгнанничества, таким как бродяжничество Гомера и приговор Данте, для описания перипетий широко понятого Серебряного века, таких как сложная позиция Максимилиана Волошина после революции или распад единого сообщества русских антиковедов.

Сквозным образом книги становится образ Орфея, как одновременно странника, эмигранта и реэмигранта. Вообще, образ Орфея сопровождал всё творчество Кривулина, указывая на сошествие во ад как образ одновременно эмиграции и возвращения из эмиграции, как общее невыносимое испытание, предзнаменованное тревожащими и пугающими образами искусства. При этом Кривулин явно не проецировал на себя возможность эмиграции, а наоборот, имел в виду ситуацию, в которой уже оказался современный поэт, ситуацию бытия здесь и сейчас.

Идейное построение стихотворения довольно типично для Кривулина: фантазмагорический пейзаж, который сопровождает существование человека в истории,

наполнен тенью умерших. При этом умершие как-то преследуют живых, создавая непредсказуемость развития современной культуры. Умершие здесь — не тени, а *избыточные собеседники*, позволяющие создавать новую завершенную художественную форму, а не обращаться к ресурсам старых форм, не копируя их.

В стихотворении «На пути к дому» умершие присутствуют дважды: как городские интеллектуалы, пережившие испытания Гражданской войны и последующие перипетии, и как памятники наиболее известным интеллектуалам. Эта двойственная композиция создает некоторую обратную перспективу стихотворения: мы видим результаты фантазмагорического переименования и думаем и об этих людях, и об их современниках, которые могли бы при других поворотах событий принимать решения об увековечении их памяти. То есть фантазмагорический бульвар Бердяева указывает на Бердяева, но и указывает на круг его общения, в том числе круг политиков предреволюционной эпохи. Тем самым увековечение памяти Бердяева оказывается новой концепцией прошлого. Прошлое могло бы развиваться так, что и чиновник, и толпа, упомянутые во второй части стихотворения, были бы учениками Бердяева.

Сам Кривулин в устном выступлении 2 декабря 1999 года характеризовал это стихотворение как часть больших размышлений о переименованиях: «стихи, где говорилось о том, как парки переименоуют, там будет площадь Бердяева, улица имени Шпета, сквер народный Флоренского Павла и так далее, то есть, казалось это утопией, чем-то невозможным, но, в общем-то, это были видения того, что мы все испытали в 90-е годы, эта как бы волна переименований» [Кривулин, 2011: 100]. Стихотворение оказывается утопическим структурно, как раз в этой квантовой запутанности возможного и невозможного в художественном мире. Но оптика читателя поневоле изменилась — в нее стали входить реальные видения и пророчества. Ключевое слово в этой устной реплике — «испытали»: то есть эмпирические события, к которым большая часть людей не готова, могут быть не столько эпически или драматически описаны, сколько быть увиденны читателем как волна, стихия. Во время больших исторических событий меняется не *режим описания*, который и остается квантовым и как бы пористым, но *режим восприятия*, наделенный новой стихийной силой.

Но переименование, как будто воздав должное выдающимся интеллектуалам прошлого, силе личности каждого, ставит их и перед возможным будущим отечественной культуры, и перед действительным будущим, уже произошедшим в их судьбах. Мы представляем себе табличку «Бульвар Бердяева» и сразу же мыслим и восстановление исторической справедливости, которое предполагали интеллектуалы-нонконформисты круга Кривулина, и иную историю, где Бердяев был не просто философом, а общественным и государственным деятелем. Сам Кривулин пытался стать таким деятелем в 1990-е годы, как личность культурного Петербурга, то есть за переименованием города следовала и его общественная активность. Таким образом, переименование вводит не просто образ почитаемого лица, а целую систему отношений, действительных или возможных, в которых и создается социальный образ философа, тогда как восприятие такой фантазмагии читателем позволяет ему ощутить себя и в мире философского идеализма, и в мире реальной истории после ряда культурных сдвигов, соединив эти миры метафизическим катарсисом.

Получается, что переименование — это что-то вроде полной *смены аспекта* (используя известное выражение Витгенштейна и Бибихина), меняющей мир вокруг. Сам Кривулин немало рассуждал о переименованиях в эссе середины 1990-х годов, вошедших в его итоговую книгу прозы «Охота на мамонта». Так, в эссе «Поминок по советскому языку» он пишет о нулевых переименованиях, таких как *Красная площадь* [Кривулин, 1998: 260]: название формально не менялось, но фактически советская власть «переименовала» площадь, придав названию коммунистический смысл. Вероятно, отметим, именно здесь больше всего проявился авангардный эксперимент, который противопоставил прежней ассоциативной комбинаторике радикальное изменение вектора значения, которое тем эффектнее при простой внешней форме.

Пользуясь терминологией М.М. Бахтина и Л.С. Выготского, восходящей к немецкой традиции экспериментальных исследований употребления речевого синтаксиса, можно говорить, что Красная Площадь — это случай «внутренней речи» советской власти, отличающейся от внешней ассоциативной речи простых переименований. Внутренняя речь, по Бахтину и Выготскому, присуща диалогу, определяя его векторы смыслообразования, «процесс испарения речи в мысль» [Выготский, 1934: 279], в отличие от контекстуальной внешней речи простых высказываний. Но большинство переименований были произвольными, они исходили из того, что за новым словом пойдёт и новый быт — Выготский отвергал такое «признание принципиальной тождественности связи слова и значения с связью любых других двух вещей» как наивную позицию потребительского отношения к вещам [Там же: 267]. В своем эссе Кривулин вообще рассматривает советский язык как язык, подразумевающий наивное отношение к (если мы воспользуемся термином Р.О. Якобсона) поэтической функции: *большевики* на слух простолюдинов большие, чем непонятнее аббревиатура, тем она кажется солиднее и т. д. [Кривулин, 1998: 246]. Поминки по советскому языку тогда фактически тождественны постмодерну с его конвенциональным пониманием любых языковых функций. Но Кривулин не сводит вопрос о советском языке к вопросу о встроеной в него наивной оптике, которая может быть оспорена даже самыми простыми ходами постмодерна.

Кривулин пишет, что при переименовании «безжалостно нарушались топонимические законы» [Там же: 260], приводя соответствующие примеры. Мы и сами усомнимся, как правильно, Карл-Марксовская или Карломарксовская? Если невозможно образование прилагательного, то тогда улица из просто наименования превращается в дополнительно маркированное именование, насильственную риторику прославления, как будто улица отмечена орденом или персональным привилегированным именованием. Как раз в стихотворении «На пути к дому» все названия допускают образование прилагательных: можно вполне сказать «Бердяевский бульвар» или «Флоренский сквер». Невозможность прилагательного видна в случае памятника Сергию Булгакову, название которого построено, как раз по аналогии с упоминаемым Кривулиным примером «Улица имени Карла-Маркса», через дефис на табличке в одном из областных центров [Там же: 261].

Иначе говоря, возвеличивание возвращается к *памятникам*, которые только и должны быть торжественными точками пространства, тогда как топонимика города оказывается как бы естественной, появляется нормальная миметичность, воспроизводство естественности. Эта миметичность не порывает с исторической памятью, а напротив, пробуждает память, при фамилии «Флоренский» сразу все вспоминают «Павел», все гуляющие по этому саду, — тогда как личное имя советского деятеля, если оно не на слуху, не все вспомнят. «Павел» — это как раз знание простолюдниками этой личности, а вовсе не уточнение названия, которое должно создавать впечатление величия. В квантовом мире Кривулина как раз все не просто воздали честь философам прошлого, но знают их, даже если репродуктор невнятно называет топонимы.

Замечателен оборот «Улица имени Шпета», полностью соответствующий тому, что Кривулин оспаривал в своем эссе, когда в областном центре на табличках было это нелепое «имени». Но дело в том, что здесь как раз продолжается речь условного чиновника, принимающего решения о коммеморации и переименованиях. Именно он, «хрупкая шейка», должен взять на себя тяжесть переименования как перезагрузки городской живописи, при всей уязвимости и изношенности городской инфраструктуры. Он и говорит на своем языке чиновничьих советских переименований, но в конце концов оказывается в мире, где названия вроде «Бульвара Бердяева» воспринимаются как естественные, а не как искусственные, но поражающие своим величием. Именно здесь он и может оказаться у себя дома, то есть наедине с собой, а не внутри речевых и институциональных механизмов бюрократических решений.

Если пользоваться терминами Вальтера Беньямина из его классической работы о Н.С. Лескове «Рассказчик» (1936), то в стихотворении происходит переход от романа к рассказу. Начинается всё с большого катастрофического исторического романа, о котором Беньямин точно сказал: «Итак, роман значителен не тем, что он чему-то учит, показывая нам чужую судьбу, а тем, что пламя, сжигающее эту судьбу, отдает нам то тепло, какого мы никогда не получим от собственной жизни» [Беньямин, 2000: 359]. Такой обмен теплом и происходит в первой части стихотворения: все упомянутые лица горели энтузиазмом, и все осветили нам жизнь, которая иначе была бы бессмысленной после такого числа жертв и погибших в XX веке. Но роман перерастает в рассказ второй части, где как раз, по Беньямину, реализуется хитрость ремесла: «Стиль крестьянина, мореплавателя, горожанина отражен в этой технике в разных стадиях и степенях экономического развития, точно так же разнообразны и понятия, в которых для нас определяется накопленный опыт» [Там же]. Поэтому убожество описанного городского быта, с тесным автобусом и хриплым репродуктором — это не карикатура, а необходимая часть сказа, где накопленный опыт всегда есть опыт чей-то: рабочего, ремесленника, водителя. Это не опыт автора романа с птичьего полета, но опыт вовлеченности. И только тогда видно, как тяжела была перезагрузка города: это была не романная авантюра, а рутинная работа.

Таким образом, сюжет стихотворения состоит в том, что переименование — это и приучение к новому режиму использования языка: не романному восхищению, где все просто пленяются большими словами и именами, но сказу, лесковско-беньяминовскому рассказу, где мы ценим профессионализм. Упомянутые философы — это прежде всего труженики и энтузиасты, которые противостоят наивному миметическому отношению к культуре, которое воспроизводилось, по мнению Кривулина, в советском языке переименований. Поэтому переименование должно происходить не в режиме романа, выдвижения новых авторитетных лиц, даже самых заслуженных и страдальческих, но в режиме сказа, когда мы видим, как именно простой человек может понять простого труженика. Миметическая логика здесь сменяется как раз глубинной внутренней речью, речью чиновника, который сначала во внешней речи переименовывал улицы, а потом возвращается домой и с ним уже остается только его внутренняя речь. Такое переименование не есть просто новая репутация города, но настоящая его перезагрузка как города мастеров и тружеников.

Список источников

- Беньямин В. Озарения / пер. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. 376 с.
- Берг М.М. Неофициальная ленинградская литература между прошлым и будущим. Международный конгресс ICCEES World Congress в Берлине (2005). Электронная публикация. URL: <http://mberg.net/prbud/> (дата обращения: 01.10.2023)
- Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. 360 с.
- Кривулин В.Б. Охота на мамонта. СПб.: БЛИЦ, 1998. 336 с.
- Кривулин В.Б. Композиции: Книга стихов / публ. О. Кушлиной. М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2009. 104 с.
- Кривулин В.Б. Два поэтических вечера: расшифровка аудиозаписи // Полилог: теория и практика современной литературы. 2011, № 4. С. 82—103.
- Хайрулин Т.П. Литературная стратегия В. Кривулина 1970-х — нач. 1980-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 417 с.

References

- Benjamin, W. (2000). *Ozareniya* [Insights], trans. N.M. Bernovsky, Yu.A. Danilov, S.A. Romashko. Moscow, Martis Publ. 376 p.
- Berg, M.M. (2005). *Neofitsial'naya leningradskaya literatura mezhdru proshlym i budushchim. Mezhdunarodnyy kongress ICCEES World Congress v Berline* [Unofficial Leningrad literature between past and future. International Congress ICCEES World Congress in Berlin], URL: <http://mberg.net/prbud/> (access date: 10/01/2023)

- Vygotsky, Leo. (1934). *Myshleniye i rech': psikhologicheskiye issledovaniya* [Thinking and speech: psychological studies]. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ. 360 p.
- Krivulin, V.B. (1998). *Okhota na mamonta* [Hunting for a mammoth], Saint-Petersburg: BLITZ, 1998. 336 p.
- Krivulin, V.B. (2009). *Kompozitsii: Kniga stikhov* [Compositions: Book of Poems], O. Kushlina. Moscow ARGO-RISK Publ. & Book Review. 104 p.
- Krivulin, V.B. (2011). Dva poeticheskikh vechera: rasshifrovka audiozapisi [Two poetic evenings: transcript of audio recording]. *Polilog: teoriya i praktika sovremennoy literatury* [Polylogue: theory and practice of contemporary literature], 2011, no. 4, pp. 82—103.
- Khairulin, T.P. (2021). *Literaturnaya strategiya V. Krivulina 1970-kh — nach. 1980-kh gg.* [Literary strategy of V. Krivulin of the 1970s - early. 1980s], PhD Thesis. Saint-Petersburg. 417 p.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 01.10.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Александр Викторович Марков — доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия. E-mail: markovius@gmail.com

Aleksandr V. Markov — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, E-mail: markovius@gmail.com

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 24—33.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 4. P. 24—33.

Научная статья

УДК 001.92

DOI: 10.54347/Lab.2023.4.3

**САЙНС СЛЭМ В РАБОТЕ С НАСЛЕДИЕМ:
КЕЙС АРАМИЛЬСКОГО КРЕАТИВНОГО КЛАСТЕРА, 2023**

Лариса Евгеньевна Петрова

Екатеринбургская академия современного искусства, г. Екатеринбург,
Россия, petrova@eaca.ru

Татьяна Юрьевна Быстрова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, taby27@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновано обращение организаторов Арамилевского креативного кластера к формату «сайнс слэм», приведены данные по исследованиям этой формы популяризации научного знания. С учетом опыта проведения показан алгоритм проведения сайнс слэма как состязательной формы научной коммуникации по редко популяризуемой теме реабилитации индустриального наследия. В заключении сделан вывод о необходимости сохранения любительского статуса участников сайнс слэмов, обеспечивающего объективность представления ими научной проблемы

Ключевые слова: сайнс слэм, индустриальное наследие, реабилитация наследия, креативный кластер, популяризация науки, Арамилев

Для цитирования: Петрова Л.Е., Быстрова Т.Ю. Сайнс слэм в работе с наследием: кейс Арамилевского креативного кластера, 2023 // Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 24—33.

Original article

**SCIENCE SLAM IN WORKING WITH HERITAGE:
CASE OF ARAMIL CREATIVE CLUSTER, 2023**

Larisa E. Petrova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg,
Russian Federation, petrova@eaca.ru

Tatiana Yu. Bystrova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation, taby27@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the appeal of the organizers of the Aramil creative cluster to the science slam format and provides data on research into this form of popularization of scientific knowledge. Taking into account the experience of conducting it, an algorithm for conducting a science slam on the rarely popularized topic of rehabilitation of industrial heritage is shown.

In conclusion, it was concluded that it is necessary to maintain the amateur status of science slam participants, ensuring the objectivity of their presentation of a scientific problem.

Keywords: science slam, industrial heritage, heritage rehabilitation, creative cluster, popularization of science, Aramil

For citation: Petrova, L.E., Bystrova, T.Yu. (2023) Sains slem v rabote s naslediem: keis Aramil'skogo kreativnogo klastera, 2023 [Science slam in working with heritage: case of Aramil creative cluster, 2023], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, pp. 24—33.

Введение

Применительно к архитектурному и шире — культурному наследию актуальны так называемые «ре-термины» (реновация, реконструкция, ревитализация, реставрация)¹. Этот перечень можно дополнить физической реабилитацией, равно как и реабилитацией в общественном сознании. Отталкиваясь от исходных смыслов термина, мы понимаем под реабилитацией восстановление (или создание заново) связей объекта или территории с внешней средой города, обеспечивающее «возвращение» места в общее социальное пространство, а также повышение уровня значимости объектов культурного наследия в массовом сознании путем актуализации экономических, культурных и меморативных функций. Сегодня наследие редко воспринимается российскими специалистами как капитал территории и объект инвестиций, выше оценивается туристическая привлекательность бывших промышленных объектов и территорий, но таких объектов — единицы в многотысячном перечне, и они не могут конкурировать, будучи исключительно туристическими. Реабилитация индустриального наследия имеет свои особенности, они описаны в исследованиях [Быстрова, 2022; Петрова, 2021]; к ним, в первую очередь, относится необходимость работы с объектами как динамическим целым, а также сложность понимания красоты, уникальности и современного градостроительного потенциала индустриального наследия.

Междисциплинарная по характеру деятельность по реабилитации индустриального наследия включает множество составляющих, среди которых одной из важнейших является наука. Ученые фиксируют и атрибутируют объекты наследия с учетом технологий их строительства, разрабатывают концепции реабилитации, изучают состояние конструкций, воссоздают производственные цепочки и реконструируют биографии создателей [Балдин, 2021]. В Свердловской области много сделано в части описания, атрибутирования, классификации наследия [Бугрова, 2022; Бугров, 2021; Горнозаводская..., 2021]. Относительно объектов индустриального наследия можно сказать, что проблемой является поиск эффективных форм популяризации полученных знаний за пределами научного сообщества с целью не только привлечения внимания, но и демонстрации возможностей объектов наследия для населения, бизнеса, муниципальной и государственной власти. Такая форма предполагает вовлечение интересантов индустриального наследия в событие с возможностью ознакомления с научными исследованиями в популярной форме. При этом наша гипотеза об актуальности жанра сайнс слэм/science slam для конкретного случая строилась на том, что реабилитация наследия требует диалога между всеми стейкхолдерами процесса, в том числе между исследователями и участниками события. В выбор мы заложили и прагматику более общей рамки мероприятия по открытию креативного кластера в малом городе Урала — демонстрацию возможностей конкретной площадки — бывшей суконной фабрики в г. Арамили, Свердловской области.

¹ Выделяются вместе как элементы сохранения и валоризации культурного наследия в РЕ-ШКОЛЕ Н. Тютчевой // Уникальность Ре-школы в комплексном подходе и развитии исторической среды. URL: <https://re-school.ru/projects> (дата обращения: 20.11.2023).

Дефицита исследования индустриального наследия нет, но знание остается внутри науки, не становится прикладным, не учитывается теми, кто принимает решения. Задача состоит в том, чтобы вовлечь в диалог целевые аудитории проектов по реабилитации, показать, что наука уже многое знает, и ее можно привлечь к охране, актуализации, реабилитации историко-культурных промышленных объектов.

Цель статьи — репрезентация опыта организации и проведения популярной научной дискуссии (сайенс слэм) об индустриальном наследии в рамках фестиваля «Узелки» на площадке проекта Музея города Арамилль «НИТИ x НИТИ: музейный проект на суконной фабрике», который проходил 1 июля 2023 года².

Популяризация научных знаний, формирование ценностей науки реализуется в разных форматах, и это описано специалистами. Традиционным путем популяризации научного знания является работа с фондами библиотек, включающих научно-популярную литературу [Варганова, 2015]. С.В. Зуев указывает, что развитие коммуникативных навыков для презентации собственных достижений студентов, аспирантов и молодых ученых можно осуществить в ходе научного слэма [Зуев, 2022]. Такую практику автор называет неакадемической формой научной коммуникации, но считает целесообразным ее внедрение в высшей школе на постоянной основе. Формат можно рассматривать и с позиции дискурса, речевых стратегий воздействия на аудиторию, которые используются в слэме. О.А. Сулейманова не только обосновывает такой подход, но и приводит фрагмент подобного выступления, показывая средства воздействия [Сулейманова, 2017].

В зарубежных исследованиях представлен опыт популяризации научного знания в практиках слэма — на примере инженерного слэма и инженерных компетенций [Kadeeva, 2020]. Использование «научной смекалки» дополняет ценность науки с позиции популяризации [Science Score, 1999].

Популяризация науки рассматривается рядом авторов с позиции воздействия на общественное мнение. Как считает И.А. Дымова, в настоящий момент преломляется негативная тенденция последних лет и популяризация научно-технических знаний набирает вес, встраиваясь в научную коммуникацию как процесс и механизм продвижения научных идей [Дымова, 2018]. Научная информация, представленная сегодня в СМИ, подвержена риску искажения, что показывает Н.Н. Емельянова [Емельянова, 2018]. Парадокс медийной среды, по мнению автора, состоит в том, что увеличение коммуникационных каналов (прежде всего, через Интернет) и усовершенствование форм представления информации за счет инфографики, не ведут напрямую к улучшению общей информированности аудитории. Запрос на научную информацию сегодня — это зрелищность, эмоциональность, акцент на персоналиях, интерактивность, заметим, все это мы использовали в проведении популярной научной дискуссии. Лекция-спектакль и science slam указаны в статье как новые форматы публичности научного знания в условиях интенсивного взаимодействия обычного человека с технологиями в урбанистической среде.

О.В. Фарберович четко показывает, что развитие науки сопровождается транслированием и передачей научных открытий, причем с выбором определенных форм. В ее работе речь идет о научно-популярной журналистике (впрочем, автор отличает ее от научной) [Фарберович, 2016]. По мнению автора, следует различать популярные тексты, которые консолидируют сообщества интеллектуальных читателей, и тексты, целью которых является формирование научного мировоззрения, информирование общественности о достижениях науки в доступной, возможно, даже развлекательной форме.

Исследований, посвященных популяризации научных знаний о культурном наследии и формах работы с ним, крайне мало, хотя практический опыт уже есть. Так, М.И. Бальзанников описывает популяризацию гидротехнических сооружений как объектов историко-культурного и инженерного наследия XX века

² Страница проекта в социальной сети ВКонтакте: <https://vk.com/nitiniti.aramil>

[Бальзанников, 2016]. В.В. Орехов анализирует мультимедиа-проект «Танаис: наше-ствие варваров» с позиций популяризации историко-культурного наследия, замечая, что за счет исторических знаний происходит продвижение бренда территории [Орехов, 2015]. При этом знания о наследии активно распространяются в ходе экскурсий, привлекая внимание и туристов, и местного населения. Такая работа активно идет в Екатеринбурге и Уральском регионе: проект «Уралруин», сообщество «Екб гуляем» и др.

Выбор сайнс слэма как события при открытии Арамилевского креативного кластера

Арамилев — малый индустриальный город в 22 км от Екатеринбурга. Там сохранилось (и находится в частной собственности) краснокирпичное здание суконной фабрики братьев Злоказовых, построенное в районе 1900 года. Здание очень большое, его части находятся в разном состоянии, лучше всего сохранился и обустроен второй этаж, где ранее находился ткацкий цех с более чем 90 станками. Усилиями инициаторов, прежде всего специалистов Краеведческого музея Арамили, здесь создается музейное пространство (грантовая поддержка фонда Потанина в 2022—2023 гг.), даже несмотря на то, что фабрика в целом принадлежит частному владельцу. Следующим действием по реабилитации промышленного объекта, способного изменить оценку города жителями разных возрастов и привлечь туристов и бизнес, а значит, сделать объект более прибыльным, в том числе и в глазах владельца, стало создание Арамилевского креативного кластера.

Задумывая научный слэм, его организаторы исходили из того, что креативный кластер — система небольших производств, деятельность которых будет способствовать социально-экономическому развитию Арамили [Быстрова, 2023]. Будучи по смыслу и пространственно связанным с площадкой Арамилевской суконной фабрики, кластер нуждается в определенной отстройке от музея и арт-галереи, позиционировании себя как места небольших производств, активностей в области дополнительного образования, общественного пространства. Поэтому в программу открытия входили не только развлекательные мероприятия, но и воркшопы, круглый стол, сайнс слэм.

Для нас важно было привлечь и заинтересовать все целевые аудитории — молодежь, включая студентов профильных вузов, местное население, малый бизнес — потенциальных арендаторов пространств суконной фабрики. Актуальный формат позволяет любому участнику по-новому оценить «старину», почувствовать себя причастным к каким-то современным и, в этом смысле, необычным процессам. С содержательной точки зрения мы ориентировались на междисциплинарный характер обсуждения — привлечение к обсуждению представителей нескольких дисциплин вокруг проблемы реабилитации индустриального наследия. Сайнс слэм полностью отвечал этим задачам.

Краткая характеристика сайнс слэма как жанра популяризации науки

Движение Science Slam (SS) возникло в Германии, затем распространилось во многих европейских странах. Это проект, нацеленный на популяризацию самими учеными научных достижений в разных формах — лекции, презентации, игры, даже вечеринки, цель которых — повысить интерес к науке у широкой общественности. Как правило, слэмерами являются молодые ученые, которые, не являясь специалистами по научной коммуникации (*science communication*), эффективно осуществляют трансфер научных знаний в общество, формируя позитивное общественное мнение. В России сайнс слэм не вышел за стены университетов, сужая тем самым воздействие на общество в целом. Цели университетских научных слэмов лежат, видимо, в русле демонстрации компетенций представления результатов собственной научно-исследовательской работы молодыми исследователями перед своей же аудиторией. Организатором Университетской лиги научных слэмов является Ассоциация Science Slam Россия. Проект проходит при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и

Университета МИСИС. В 2022 году по всей России прошло более 100 университетских слэмов. Победители региональных отборочных этапов в Москве, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Уфе и Томске получают возможность представить свои результаты на Всероссийском университетском слэме в рамках Конгресса молодых учёных на федеральной территории «Сириус».

16 ноября 2023 года в Екатеринбурге прошел региональный этап Университетской лиги научных слэмов, вот что о нем писало рекламное агентство НЕОН, которое является на территории Свердловской области единственным организатором формата научного поединка Science Slam: «Шесть молодых ученых из разных городов России превратятся в рок-звезд и расскажут о своих исследованиях. Задача каждого — всего за 10 минут представить свою работу так, чтобы она была понятна зрителям. Лучший “слэмер” будет определен измерением децибелов зрительских аплодисментов специальным прибором-шумомером».

Формальные сложности реализации сайенс слэма

В организации нашего события мы столкнулись с проблемой. Арамилский краеведческий музей — ключевой организатор, конечно, не входит в Ассоциацию Science Slam, поэтому мы получили по электронной почте письмо от рекламного агентства «Неон» с таким содержанием: «1 июля вы проводите мероприятия Science Slam, пишем как раз по этому поводу. В Екатеринбурге мы являемся официальными представителями Ассоциации Science Slam Россия. Мы развиваем движение слэма в России с 2012 года и пару лет назад зарегистрировали товарные знаки «Science Slam» и «Slam» для того, чтобы быть уверенными, что соблюдаются правила формата и организаторы несут за это ответственность. Это важно для создания сообщества, построения отношений с учеными и зрителями, а также для качества слэмов. Те, кто не являются членами Ассоциации, не могут делать мероприятия под названием Science Slam, а также любые другие научно-популярные мероприятия, имеющие в своем названии слово «Slam». Эти названия защищены товарным знаком, их нельзя использовать без согласия Ассоциации. Полагаю, что вы об этом просто не знали. Давайте поймем, как мы могли бы урегулировать этот вопрос»³. Вопрос был урегулирован следующим образом: поскольку мы, организаторы, не могли использовать фирменное название, мы прибегли к транслитерации и назвали свое событие по-русски — сайенс слэм, или популярная научная дискуссия.

Подготовка и проведение научной дискуссии по теме индустриального наследия

В отличие от некоторых подобных событий с очень широкой линейкой тем, наша встреча была ограничена вопросами работы с объектами и площадками индустриального наследия, которых на Урале очень много. Сайенс слэм на тему «Индустриальное наследие — ресурс развития Арамилы» состоялся в рамках фестиваля «Узелки. Фестиваль-представление креативного кластера Арамилы» 1 июля 2023 года. У каждого слэмера есть 10 минут, чтобы остроумно, доступно и интересно донести свою идею, а публика определяет лучшего аплодисментами. Как указано выше, из-за ограничений использования формата (он монетизирован) мы не могли использовать данное название, применили транслитерацию. Идеология формата осталась: научный результат представлен популярно, широко распространен, соревновательность присутствует в том, как это представлено публике.

Подготовка события организаторами включала подбор слэмеров (с учетом междисциплинарности и межпредметности индустриального наследия: в числе специальностей были философия, медиа-журналистика, строительный бизнес и рынок недвижимости, экономика; также были представлены три вуза Екатеринбурга — Уральский федеральный университет, Уральский институт управления РАНХиГС,

³ Цитата из переписки по электронной почте.

Екатеринбургская академия современного искусства), приглашение публики, подготовку призов для слэмеров и зрителей. Спонсор события — издательство «Tatlin» — предоставило 6 изданий релевантной тематики, каждый из выступающих получил книгу по теме наследия. Для зрителей, которые задавали вопросы, предусматривались призы-открытки. Слэмер определял лучший вопрос от зрителей, и этот участник получал дополнительный приз — книжку об Арамиле. Распространенный вариант сайнс слэма предполагает, что есть победитель. Он определяется по аплодисментам зрителей, уровень которых замеряется в децибелах с помощью приложения в смартфоне DecibelX. Количество вопросов слэмерам и сила аплодисментов фиксировались в google-таблице.

Цель события — возможность влиять на судьбу объектов индустриального наследия, популяризируя результаты научной работы, привлекая внимания разной аудитории к обсуждаемым вопросам. Алгоритм события: вступление модератора Л.Е. Петровой (цель, правила проведения), выступление слэмеров (по 9 мин. с демонстрацией презентации на экране), вопросы от зрителей, аплодисменты по каждому выступлению слэмера, подсчет силы аплодисментов, подведение итогов по содержанию и формату — определение победителя, вручение призов, благодарственных писем.

ФИО слэмера, его аффилиация	Тема выступления	Количество вопросов слэмеру	Сила аплодисментов в децибелах
Быстрова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры культурологии и дизайна УрФУ, д-р. филос. наук	Парфенон и Арамил, или Сколько ступеней в лестнице	6	75,6
Маковкина Светлана Александровна, доцент кафедры экономики и управления Уральского института управления — филиала РАНХиГС, канд. экон. наук	Экономика креативности: туризм, производство и продвижение ОКН	4	73,6
Павлова Ольга, журналист, обладатель ТЭФИ, член рабочей группы по наследию Общественной палаты Екатеринбурга, старший преподаватель кафедры медикоммуникаций УрФУ, автор маршрутов по ожившему Екатеринбург	Как «всё плохо» заменить на «получится»	4	75,2
Сет: Адрианова София Аркадьевна, магистрант первого года обучения, группа ЭУМ-121101, ИнЭУ, УрФУ (Образовательная программа 38.04.02/33.08 «Управление развитием территорий и девелопмент недвижимости»); Тылис Александра Сергеевна, аспирант первого года обучения кафедры ЭУС и РН, ИнЭУ, УрФУ	Редевелопмент промышленных территорий на примере чугунолитейного завода Турчаниновых-Соломирских в городе Сысерть. Финансово-экономическое обоснование девелоперского проекта по ревитализации промышленных территорий на примере завода «Тонус» в Екатеринбурге	5	76,6
Итого	4 выступления, 5 слэмеров	Всего 19, в среднем по 5 вопросов	Среднее 75,25

Победителем стала команда кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости (ЭУСиРН) Института экономики и управления Уральского федерального университета. Слэмеры С. Адрианова и А. Тылис получили книги «Очерки истории Армильской суконной фабрики» с дарственной подписью соавтора Н.Н. Иртугановой.

Число зрителей события было около 30. При этом параллельно проходили фэшн-показ, ярмарка мастеров, круглый стол педагогов-краеведов. Среди зрителей были и команды поддержки (слэмеры пригласили своих студентов, коллег, семьи), и те, кто пришел на фестиваль, заинтересовавшись темой и форматом. Часть выступлений записывалась на видео, их можно использовать и при распространении информации о формате «сайенс слэм» и о креативном кластере на территории Армильской суконной фабрики.

Заключение

Наш опыт невелик, но уже проясняется круг задач, которые могут решаться музеями, галереями, креативными кластерами с использованием формата научного слэма. Это привлечение широкой, в том числе молодежной, аудитории, рост просвещенности или интереса к обсуждаемым темам. Для ученых жанр интересен возможностью выхода за академические рамки и свободой интерпретации отдельных научных положений. Для площадки событие значимо своей неординарностью, высокой эмоциональностью, рождаемой соревнованием, и информационным следом, в том числе в социальных сетях.

Что касается непосредственно Арамили, то первый вывод авторов статьи, прошедших опыт сайенс слэма в ролях модератора и докладчика, связан с необходимостью продолжения подобной работы на конкретной площадке, поскольку за один раз переломить скептическое или равнодушное отношение к объекту индустриального наследия вряд ли удалось. Обозначение «креативный кластер» остается во многом номинативным, если активности ограничиваются только выставочной и развлекательной деятельностью, ведь кластер — прежде всего, экономическая единица [Быстрова, 2023]. Привлечь на площадку небольшие компании дизайнеров, урбанистов, городских исследователей или организовать дополнительное образование жителей разных возрастов можно, настроив себя на определенную «научность».

Отсюда видно еще одно требование или рекомендация. При тематике, подобной реабилитации индустриального наследия, становится видна необходимость обратной связи со зрителями, возможно, сразу по окончании научного слэма. Анкетирование или интервью покажут, насколько запомнились отдельные данные, изменилось ли отношение зрителя к объекту. Тогда удастся понять, достигнуты ли заявленные цели.

Статус слэмеров, по нашему убеждению, должен оставаться любительским. В отличие от стендапа, здесь недостаточно только житейской наблюдательности, обаяния или остроумия — нужно еще и погружение в тему, сопряженное с научной объективностью. При этом необходима подготовка слэмеров, тренировка чувства времени выступления, поиск наиболее удачных речевых формул. Сайенс слэм — коммуникативное действие, соответственно, нужно прорабатывать те его компоненты, которые повышают эффективность распространения информации. Это значит, что наряду с объективностью играют роль навыки подачи материала, понимание личности говорящего, его человеческая и профессиональная заинтересованность в вопросе. Иначе говоря, научность как интерес субъектности никуда не уходит, но сопровождается личностным отношением выступающего к информации. Это, в свою очередь, может проецироваться на характеристики объекта индустриального наследия и стимулировать вовлечение в работу с ним.

Все эти моменты важно учитывать тем, кто заинтересован в распространении и совершенствовании жанра «сайенс слэм», притом, не только в сфере работы с наследием.

Список источников

- Балдин К.Е. Разноцветный «русский Манчестер»: текстильная промышленность дореволюционного Иваново-Вознесенска // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2021. № 1. С. 13—28.
- Бальзанников М.И., Вышкин Е.Г., Галицкова Ю.М. Популяризация гидротехнических сооружений как объектов историко-культурного и инженерного наследия XX века // *Культурное наследие в XXI веке: сохранение, использование, популяризация: Материалы IV Международной научно-практической конференции*, Казань, 18—22 апреля 2016 года. Казань: КазГАСУ, 2016. С. 42—48.
- Бугров К.Д. Ткацкие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в Центральном старотекстильном ареале и Уральском регионе // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2021. № 1. С. 51—64.
- Бугрова Е.Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2022. № 3. С. 16—23.
- Быстрова Т.Ю. Малые индустриальные города: актуализация наследия. Екатеринбург: TATLIN, 2022. 208 с.
- Быстрова Т.Ю. Пространство культурных индустрий: предыстория, два подхода и модель // *Управление культурой*. 2023. № 1(5). С. 3—9.
- Варганова Г.В., Плавко И.А. Популяризация науки в общедоступных библиотеках // *Труды ГПНТБ СО РАН*. 2015. № 8. С. 288—293.
- Горнозаводская и равнинно-фабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность / О. Шипицына, Н. Солонина, К. Бугров [и др.] // *Городские исследования и практики*. 2021. Т. 6, № 1. С. 125—144.
- Дымова И.А. Популяризация науки как фактор воздействия на общественное мнение // *Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование*. 2018. Т. 25, № 6. С. 178—188.
- Емельянова Н.Н. Научная информация в масс-медиа: специфика генерации и воспроизводства // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23, № 1. С. 128—140.
- Зуев С.В., Арнакова Е.Ф. Научный «стендап» как средство развития коммуникативных навыков молодых ученых // *Вопросы педагогики*. 2022. № 6-1. С. 117—120.
- Орехов В.В., Дорошенко С.А., Писковец А.Б. Популяризация историко-культурного наследия в мультимедиа-проекте «Танаис — нашествие варваров» // *Проблемы современной науки*. 2015. № 20. С. 87—95.
- Петрова Л.Е. Интеграция объектов индустриального наследия в культурное потребление россиян // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2021. № 2(49). С. 96—100.
- Сулейманова О.А. К вопросу об академическом дискурсе: выступление в слэм-формате // *Язык. Текст. Дискурс*. 2017. № 15. С. 270—278.
- Фарберович О.В. Научная журналистика как основной канал пропаганды современных достижений науки и техники: теоретические подходы // *Идеи и новации*. 2016. № 3(6). С. 98—106.
- Kadeeva Z., Kaybiyaynen A.A. at all. Engineering slam as a project of popularizing sciences and engineering competencies // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1134-1. P. 240—245.
- Science Scope // *Science*. 1999. Vol. 284, No. 5414. P. 565.

References

- Baldin, K.E. Raznocvetnyj «russkij Manchester»: tekstilnaya promyshlennost dorevolucionnogo Ivanovo-Voznesenska [Multicolored russian Manchester: the textile industry of the pre-revolutionary Ivanovo-Vosnesensk], *Labyrinth. Teorii i praktiki kultury*. 2021. № 1. S. 13—28. (in russ.)
- Balzannikov, M.I., Vyshkin, E.G., Galickova, Yu.M. Populyarizaciya gidrotehnicheskikh sooruzhenij kak obektov istoriko-kulturnogo i inzhenerного naslediya HH veka [Popularization of hydraulic structures as objects of historical, cultural and engineering heritage of the 20th century] // *Kulturnoe nasledie v XXI veke: sohranenie, ispolzovanie, populyarizaciya: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Kazan, 18—22 aprelya 2016 goda. Kazan: KazGASU, 2016. S. 42—48. (in russ.)

- Bugrov, K.D. Tkackie stanki i domennye pechi: kulturnyj potencial industrialnogo naslediya v Centralnom starotekstilnom areale i Uralskom regione [Weaving looms and blast furnaces: the cultural potential of the industrial heritage in the central old textile area and the Ural region] // Labyrinth. Teorii i praktiki kultury. 2021. № 1. S. 51—64. (in russ.)
- Bugrova, E.D. Industrialnye ruiny: estetika modern decay i turizm [Industrial ruins: aesthetics of modern decay and tourism] // Labyrinth. Teorii i praktiki kultury. 2022. № 3. S. 16—23. (in russ.)
- Bystrova, T.Yu. Malye industrialnye goroda: aktualizaciya naslediya [Small industrial towns updating the heritage]. Ekaterinburg: TATLIN, 2022. 208 s. (in russ.)
- Bystrova, T.Yu. Prostranstvo kulturnyh industrij: predystoriya, dva podhoda i model [The space of cultural industries: background, two approaches and a model] // Upravlenie kulturoj. 2023. № 1 (5). S. 3—9. (in russ.)
- Varganova, G.V., Plavko I.A. Populyarizaciya nauki v obshedostupnyh bibliotekah [Scientific literacy promotion in public libraries] // Trudy GPNTB SO RAN. 2015. № 8. S. 288—293. (in russ.)
- Gornozavodskaya i ravninno-fabrichnaya civilizacii Rossii: industrialnoe nasledie i gorodskaya identichnost [Mining and plain-factory civilization of Russia: industrial heritage and urban identity] / O. Shipicyna, N. Solonina, K. Bugrov [i dr.] // Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2021. T. 6, № 1. S. 125—144. (in russ.)
- Dymova, I.A. Populyarizaciya nauki kak faktor vozdejstviya na obshestvennoe mnenie [The Popularization of Science as a Factor of Influence on Public Opinion] // Analiz i modelirovanie ekonomicheskikh i socialnyh processov: Matematika. Kompyuter. Obrazovanie. 2018. T. 25, № 6. S. 178—188. (in russ.)
- Emelyanova, N.N. Nauchnaya informaciya v mass-media: specifika generacii i vosproizvodstva [Scientific information in the mass media: the specifics of generation and reproduction] // Filosofiya nauki i tehniki. 2018. T. 23, № 1. S. 128—140. (in russ.)
- Zuev, S.V., Arnakova E. F. Nauchnyj «standap» kak sredstvo razvitiya kommunikativnyh navykov molodyh uchenykh [Scientific “stand-up” as a means of developing the communication skills of young scientists] // Voprosy pedagogiki. 2022. № 6-1. S. 117—120. (in russ.)
- Orehov, V.V., Doroshenko S.A., Piskovec A.B. Populyarizaciya istoriko-kulturnogo naslediya v multimedia-proekte «Tanais — nashestvie varvarov» [Popularization of historical and cultural heritage in the multimedia project “Tanais - the invasion of the barbarians”] // Problemy sovremennoj nauki. 2015. № 20. S. 87—95. (in russ.)
- Petrova, L.E. Integraciya obektov industrialnogo naslediya v kulturnoe potreblenie rossijan [The process of mastering of the baroque style in Russian] // Akademicheskij vestnik Ural-NIIproekt RAASN. 2021. № 2 (49). S. 96—100. (in russ.)
- Sulejmanova, O.A. K voprosu ob akademicheskom diskurse: vystuplenie v slem-formate [On the issue of academic discourse: performance in slam format] // Yazyk. Tekst. Diskurs. 2017. № 15. S. 270—278. (in russ.)
- Farberovich, O.V. Nauchnaya zhurnalistika kak osnovnoj kanal propagandy sovremennykh dostizhenij nauki i tehniki: teoreticheskie podhody [Science journalism as a key channel for promoting the achievements of modern science and technology] // Idei i novacii. 2016. № 3 (6). S. 98—106. (in russ.)
- Kadeeva, Z., Kaybiyaynen, A.A. at all. Engineering slam as a project of popularizing sciences and engineering competencies // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1134-1. P. 240—245.
- Science Scope // Science. 1999. Vol. 284, No. 5414. P. 565.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Лариса Евгеньевна Петрова — кандидат социологических наук, профессор кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия, E-mail: petrova@eaca.ru

Larisa E. Petrova — Cand. Sci. (Soc.), Professor at Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Yekaterinburg, Russian Federation, E-mail: petrova@eaca.ru

Татьяна Юрьевна Быстрова — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и дизайна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, E-mail: taby27@yandex.ru

Tatiana Yu. Bystrova — Doctor of Sciences in Philosophy, Professor at Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, E-mail: taby27@yandex.ru

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 34—43.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 4. P. 34—43.

Научная статья

УДК 72.03(470.331)

DOI: 10.54347/Lab.2023.4.4

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА: ХРАМЫ И МОНАСТЫРИ ТОРЖКА

Виктор Владимирович Кузнецов

Всероссийский историко-этнографический музей, г. Торжок, Россия, tiveriada@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере города Торжка рассматривается возможность семиотической интерпретации комплекса храмов города как манифестации в природном ландшафте мифологических образов и мотивов, связанных с их церковным посвящением. На основе проделанного анализа выявляется присутствие в сакральном ландшафте города образов героев основного мифа славянской мифологии — бога Громовержца, его Жены, божественных братьев-близнецов — детей Громовержца, и его змеевидного противника.

Ключевые слова: архитектурная доминанта, церковь, монастырь, мифологический ландшафт, семантика, оппозиция, мифологический образ, основной миф, божественные братья-близнецы, Перун, Велес, Мокошь

Для цитирования: Кузнецов В.В. Мифологический ландшафт города: храмы и монастыри Торжка // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 34—43.*

Original article

MYTHOLOGICAL LANDSCAPE OF THE TOWN: CURCHES AND MONASTERIES OF TORZHOK

Viktor V. Kuznetsov

All-Russian Historical-and-Ethnographical Museum, Torzhok,
Russian Federation, E-mail: tiveriada@yandex.ru

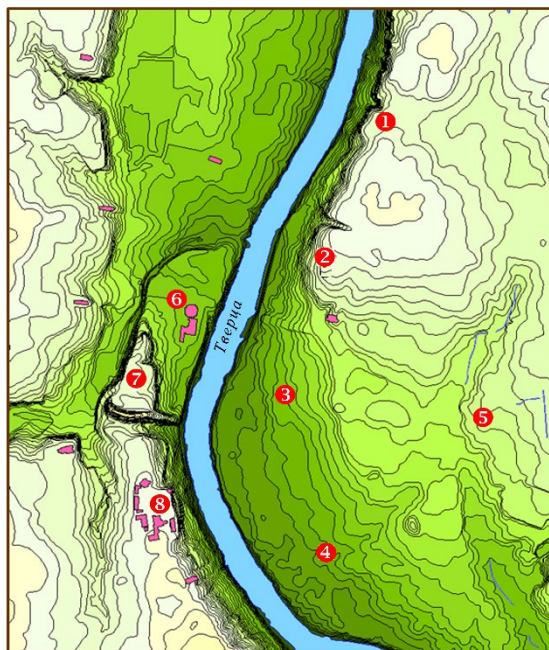
Abstract. Using the example of the town of Torzhok, the article considers the possibility of a semiotic interpretation of the complex of temples of the town as a manifestation in the natural landscape of mythological images and motifs associated with their church dedication. Based on the analysis carried out, the presence of images of the heroes of the main myth of Slavic mythology — the God of the Thunder, his Wife, divine twin brothers — the children of the Thunderer, and his serpentine antagonist — is revealed in the sacred landscape of the town.

Keywords: architectural dominant, church, monastery, mythological landscape, semantics, opposition, mythological image, the main myth, divine twin brothers, Perun, Veles, Mokosh

For citation: Kuznetsov, V.V. (2023) Mifologicheskii landshaft goroda: khramy i monastyri Torzhka [Mythological landscape of the town: churches and monasteries of torzhok], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, pp 34—43.

Город Торжок на реке Тверце (лп Волги) — один из древнейших городов Верхневолжья — издавна считался красивым городом. Так, в 1668 году голландец Я. Стрейс писал: «Торжок весьма населен и красив оттого, что в нем свыше тридцати церквей часовен» [Стрейс, 1935: 151]. Практически то же самое два века спустя отмечали отечественные авторы: «Положение города очень живописно, а разноцветные его колокольни церквей, разбросанных в живописном беспорядке по берегам Тверцы, придают ему много красоты» [Сидоров, 1894: 52]. Таким образом, красота города связывалась, прежде всего, с большим количеством церквей. Именно церкви, их колокольни, по сей день возвышающиеся над гражданской застройкой, являются основными архитектурными доминантами архитектурного пейзажа Торжка.

Любой храм, являясь образом Вселенской церкви, соединяя земное и небесное, мир горний и мир дольний, своим посвящением связывает с природным ландшафтом образы Христа, Богородицы и святых, транслируя в городскую среду мотивы и сюжеты, характеризующие их в церковно-народной традиции. Это позволяет представить храм как знак, планом выражения которого является само здание, а планом содержания — его посвящение. Поскольку многие из почитаемых в народе христианских святых являются трансформацией образов персонажей восточнославянской мифологии, природно-архитектурный ландшафт Торжка можно рассматривать как ландшафт мифологический, а храмовый комплекс города — как семиотическую систему, пространственную манифестацию некоторых элементов мифологической картины мира. Подобный подход к рассмотрению архитектурно-природного ландшафта Торжка кажется тем более возможным, что особенности рельефа города, делящие его на нагорную и подольную части, левобережную и правобережную стороны, соответствуют двум основным оппозициям (абстрактным классификаторам) славянской мифологической системы: верх / низ, правый / левый [Иванов, Топоров, 1965: 63—216]. В этой связи наибольший интерес представляют храмы, приуроченные к противоположным берегам Тверцы, где отчетливо выражен перепад высот: храмы наблюдаются визуально с одной или нескольких видовых точек, расположенных в долине Тверцы (ил. 1).



Ил. 1. Сакральные объекты в контексте рельефа города. Цифрами обозначены: 1. Ильинская церковь; 2. Воскресенский женский монастырь. Церкви: 3. св. Власия; 4. св. Николая Чудотворца; 5. св. Димитрия Солунского

Главными архитектурными доминантами Торжка являются храмовые комплексы двух монастырей — Борисоглебского мужского и Воскресенского женского. Их размещение на противоположных берегах Тверцы актуализирует в природном ландшафте города соотнесение двух мифологических оппозиций: правый / левый — мужской / женский, которые отражены в различных фольклорных текстах, в обряде венчания (невеста располагается слева от жениха), а также в древнем погребальном обряде (женщина хоронится слева от мужчины) [Иванов, Топоров, 1965: 91—95].

С выражением противопоставлений правый / левый — мужской / женский применительно к обоим монастырям связана легенда о подземном ходе, который их насельники прокопали под Тверцой навстречу друг другу, причем монахини проделали большую часть пути. Очевидно, легенда предполагает, что это «инженерное

С выражением противопоставлений правый / левый — мужской / женский применительно к обоим монастырям связана легенда о подземном ходе, который их насельники прокопали под Тверцой навстречу друг другу, причем монахини проделали большую часть пути. Очевидно, легенда предполагает, что это «инженерное

сооружение» создавалось монашествующими для тайных интимных утех, что является для них тяжким грехом. Поскольку насельницы женского монастыря прокопали большую часть подземного хода, то и к этому греху они стремились и приблизились сильнее, чем монахи Борисоглебского монастыря, и, следовательно, посмертное воздаяние для них будет более тяжким. Эта легенда позволяет рассматривать вышеназванные противопоставления как проявление других оппозиций славянской мифологии: доля / недоля, счастье / несчастье:

доля,	недоля
счастье	несчастье
правый	левый
мужской	женский
Борисоглебский монастырь	Воскресенский монастырь

Бинарные оппозиции, которыми описывается славянская мифологическая система, отчетливо проявляются и в связи с другими сакральными объектами приречной зоны центральной части Торжка.

Наиболее яркое и концентрированное воплощение мифологических образов в ландшафте города являет собой церковь Ильи-пророка и Параскевы Пятницы, построенная в начале XIX в. на месте двух деревянных церквей с тем же посвящением (ил. 2).



Ил. 2. Ильинская церковь и Красная гора. 1870-е гг. Собрание ВИЭМ

Хорошо известно, что народнопоэтические образы этих святых являются продолжением языческих божеств: Перуна — восточнославянского варианта индоевропейского Бога грозы, главного божества древнерусского языческого пантеона, и Мокоши — единственного женского божества этого пантеона, продолжающего образ

Жены Громовержца [Иванов, Топоров, 1974: 4—30; Иванов, Топоров, 1982: 157—197]. Обобщенно семантика этих образов описывается рядами противопоставлений:

Илья-пророк	Параскева Пятница
Перун	Мокошь
мужской	женский
небесная вода (дождь)	земная вода (колодцы)
небо	земля
верх	низ

Эти оппозиции имеют конкретное соотнесение с архитектурным объемом Ильинской церкви: престол в честь Ильи-пророка находится на верхнем этаже, а престол в честь Параскевы Пятницы — на нижнем. Также эти противопоставления раскрываются в самом расположении церкви: она стоит на обрывистой возвышенности на берегу Тверцы.

Мифологический «подтекст» посвящения храма и топографические особенности его местонахождения наводят на мысль, что он был построен на месте языческого культового места (святилища, капища), связанного с почитанием Перуна и Мокоши. Подтверждением этого предположения является новоторжское предание, объясняющее название возвышенности, на которой стоит Ильинская церковь — Красная гора. Согласно этому преданию, гора бывает красной во время грозы и/или в Ильин день. Кроме того, среди жителей Торжка жива память о кулачных боях, которые устраивались на Красной горе в Ильин день и в другие популярные церковные праздники. Соответствие этому новоторжскому обычаю находится в летописном рассказе, объясняющем новгородскую традицию общегородских молодежных драк на волховском мосту. Свергнувший идол Перуна, проплывая под мостом, выбросил на него свою палицу, с призывом поминать его драками с использованием палиц: «на семь мя поминать Новгородския дети, ею же и ныне безумнии убивающееся...» [ПСРЛ, т. 7: 213].

Неподалеку от Ильинской церкви, на той же возвышенности, расположен уже упоминавшийся Воскресенский женский монастырь (ил. 3). Пространственная близость этих архитектурных доминант и сакральных объектов отражается в их семантической близости как элементов мифологического ландшафта. Аналогично Ильинской церкви главный храм монастыря стоит на месте двух древних деревянных церквей — Воскресения Христова и Благовещения Пресв. Богородицы. Как и в Ильинской церкви, в здании Воскресенского собора престолы размещаются на двух этажах также соотносятся с оппозицией мужской / женский. «Мужской» Воскресенский расположен на втором этаже, «женский» Благовещенский — на первом. Отсюда возможно соотнесение семантики образа Ильи (Бог Грозы, Перун) и праздника Воскресения Христова, с одной стороны, и Параскевы Пятницы (Жена Громовержца, Мать-сыра Земля, Мокошь) и Благовещения — с другой. Возможность первого соотнесения определяется противопоставлением Бог / дьявол. В системе образов христианской мифологии она является соответствием противопоставления Перуна и Велеса, выступающих как противники в славянском варианте индоевропейского мифа о поединке Бога грозы и Змея (основной миф) [Иванов, Топоров, 1974: 5]. Поэтому Бог в произведениях фольклора может функционально замещать Илью-пророка — христианскую «версию» Перуна. В этом случае народнопоэтическим продолжением образа его противника являются змей, черт, демоны и прочие мифологические персонажи нижнего уровня. Соотнесение праздника Благовещения с семантикой образа Матери Земли обосновывается народнопоэтической традицией, в которой Богородица выступает как ее персонифицированное воплощение. Вследствие семантики Благовещения (Лук. 1: 27—35) в Воскресенском соборе этот образ проявляется более отчетливо, чем в образе Параскевы, соотнося с этим храмом и монастырем образ Земли как воспринимающего начала. Соседство же престола в честь Параскевы

Пятницы с престолом Ильи-пророка в Ильинской церкви смещает акцент в семантике образа святой в сторону «верхней» ипостаси Мокоши, характеризующей ее как жену Громовержца [Иванов, Топоров, 1982: 194].

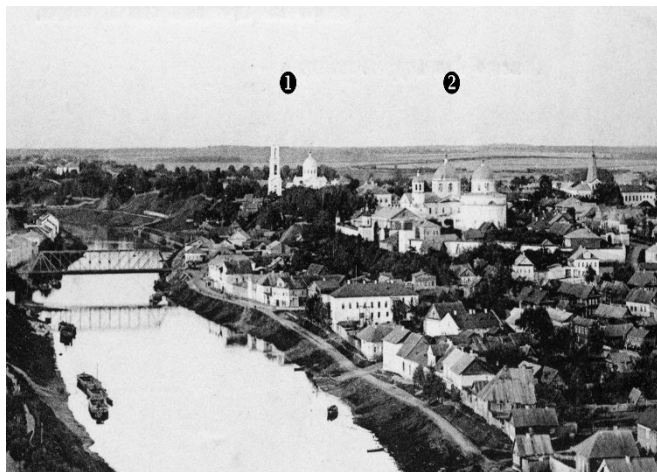
Другим семантическим знаменателем, объединяющим Воскресенскую церковь и Пятницкий придел Ильинской церкви, является народное почитание Недели — персонализации воскресенья, как дня воспоминания Воскресения Христа. В свою очередь почитание Недели тесно связано с культом св. Параскевы как персонафицированного воплощения пятницы — дня Страстей Христовых. Почитание Недели предполагает соблюдение тех же запретов, что свойственны и почитанию Параскевы Пятницы. Прежде всего, это относится к женским занятиям — прядению, ткачеству, вышиванию и т. п. (Своеобразное отражение этого запрета видится в послушаниях насельниц Воскресенской обители, одним из которых было вышивание золотом).

Таким образом, архитектурный комплекс Воскресенского монастыря, также как и Ильинская церковь, связан с манифестацией в городском ландшафте образов Перуна и Мокоши [Успенский, 1982: 135—137]. Впрочем, правильнее рассматривать посвящения Ильинской и Воскресенской церквей как инверсию образов языческой супружеской пары Перуна и Мокоши. При этом Воскресенским храмом эта инверсия проявляется более отчетливо. Народнопоэтический образ Ильи Пророка и Параскевы Пятницы намного ближе к образам Перуна и Мокоши с их ярко выраженными производящими и эротическими функциями [Иванов, Топоров, 1974: 179—180], чем образы Христа и Богоматери. Поэтому, если угодно, Ильинскую церковь можно расценивать как воплощение Любви земной, а Воскресенский собор и монастырь — Любви небесной.

Кроме Ильинской церкви и Воскресенского монастыря значимыми архитектурными доминантами левобережья являются храмы в честь св. Власия, Николая Чудотворца, Дмитрия Солунского, расположенные в ее низинной, подольной части (ил. 3, 4).

Образ св. Власия, почитавшегося как покровителя животных, генетически восходит к образу языческого бога Велеса (Волоса), который является восточнославянским вариантом противника индоевропейского Бога грозы — Змея. Их отношения описываются поединком за обладание скотом, являющимся сюжетным ядром основного мифа. Связь индоевропейского Громовержца с горой, небом, вершиной мирового древа, а его противника — с низом мирового древа, земными водами отразилась в расположении идолов Перуна и Велеса в древнем Киеве: первый стоял на горе, второй — на Подоле [Иванов, Топоров, 1965: 5, 45]. В ландшафте Торжка оппозиция этих мифологических образов выражена расположением Власьевской церкви в подольной части левобережья, а Ильинской — в ее нагорной части.

Если образ св. Власия связывает с Велесом созвучие имени и покровительство скоту, то образ самого почитаемого на Руси святого — св. Николая Чудотворца, храм которого расположен неподалеку от Власьевской церкви, вобрал в себя все атрибуты



Ил. 3. Вид на левобережье с Надвратной церкви Борисоглебского монастыря. Фрагмент почтовой открытки. Издательство Р.В. Клика. Конец XIX в. Собрание ВИЭМ. Цифрами обозначены: 1. Ильинская церковь. 2. Воскресенский женский монастырь

и функции Велеса. В этом отношении весьма показательно, что на восточнославянской территории распространение почитание Николы географически соответствует распространению культа Велеса [Успенский, 1982: 51—85].

Расположение храма в честь св. Димитрия Солунского (уничтожен в 1930-е годы) неподалеку от Власьевской церкви позволяет выделить в образе этого святого, которого на Руси почитали как покровителя воинов и князей, черты, сближающие его с образами Власия и Николы, и, следовательно, рассматривать его как одну из трансформаций образа Велеса. Связь св. Димитрия с нижним миром раскрывается в его эпитете *Солунский*, указывающем на его происхождение из города Солуни (Салоники), кото-



Ил. 4. Вид на левобережье с Надвратной церкви Борисоглебского монастыря. Фрагмент почтовой открытки. Издательство Р.В. Клика. Конец XIX в. Собрание ВИЭМ. Цифрами обозначены: 1. Воскресенский женский монастырь. Церкви: 2. св. Димитрия Солунского. 3. св. Власия

рый в народе переосмысливался как «Селунский» от слова *село* — ‘поле’, ‘пашня’, ‘земля’ [Калинский, 1990: 221]. Это выявляет в образе св. Димитрия функцию покровительства земледелию и сельскому хозяйству вообще. Кроме того, ко дню памяти этого святого приурочено большое поминовение усопших, установленное в 1380 г. Дмитрием Донским в память воинов, погибших в Куликовской битве. В народе этот день назывался Димитровской, Поминальной, Родительской или Дедовской субботой и пользовался наибольшим почитанием из всех поминальных дней. Это также характеризует образ св. Димитрия как христианское продолжение образа Велеса, само имя которого восходит к индоевропейскому корню **uel-*, связанному с обозначением мира мертвых [Иванов, Топоров, 1974: 68—74].

Вместе с тем нельзя не отметить, что расположение церкви св. Димитрия отражает амбивалентность его образа. С одной стороны, из трех подольных церквей левобережья она расположена ближе остальных к Ильинской церкви с ее Пятницким приделом. Эта пространственная близость находит соответствие в календарной близости дня памяти этого святого (26 октября) и дня памяти Параскевы Пятницы (28 октября), что можно рассматривать как проявление семантической близости их образов, на основе общих сельскохозяйственных функций. С другой стороны, мифологический «субстрат» образа Ильи-пророка (Перун, Бог-громовержец) позволяет рассматривать пространственную близость Димитровской и Ильинской церквей как фактор, акцентирующий в образе св. Димитрия его княжеско-воинские функции, которые уравновешивают в нем выраженность семантических признаков Велеса. Это отражается в расположении Димитровской церкви по отношению к Власьевской. Храм в честь святого, имя которого почти полностью повторяет имя Велеса, стоит ниже остальных левобережных церквей, ближе к реке, воде — области обитания Змея. Церковь же св. Димитрия Солунского находится дальше остальных подольных храмов от Тверцы, выше их, в том месте, где противопоставление подольной и нагорной частей минимально и, следовательно, минимальна выраженность оппозиции Перун / Велес.

Левобережному подолу, где расположены вышеописанные храмы, противопоставит правобережная, нагорная часть города, в которой отчетливо выделяется Верхнее городище — высокий холм, на котором в XII—XV вв. находилась резиденция

князя или княжеского наместника (ил. 5). Данные проводившихся там археологических исследований в сочетании с летописными свидетельствами позволяют связать ее строительство с князем Давидом Ростиславичем, правившем в Торжке с 1157 по 1161 год. Обнаружение на Верхнем городище некрополя XII в. и находка фрагмента хороса красноречиво свидетельствуют о существовании там храма. Имеется аргументированная гипотеза, допускающая его постройку Давидом Ростиславичем, а посвящение — Архистратигу Михаилу — небесному покровителю русских князей, в честь которого при крещении был наречен отец Давида [Салимов, 2002: 16—22].

В ветхозаветной книге пророка Даниила Михаил предстает как «князь великий», стоящий за сынов богоизбранного народа в битве против «князя» Персидского царства и в эсхатологической битве против сил зла (Дан. 10: 13, 21; 12: 1). В Откровении Иоанна Богослова Михаил выступает как архистратиг небесного воинства в апокалиптической битве с «великим драконом», «древним змием, называемым дьяволом и сатаною» (Отк. 12: 7—9). Первая характеристика Архангела Михаила находит соответствие в функции Перуна как бога княжеской дружины, в противоположность Велесу — богу всей Руси. Это противопоставление отражено, в частности, в договорах князей Олега и Святослава с греками в 907 и 971 гг., где русские клянутся Перуном и Велесом, в то время как в договоре князя Игоря 945 г. в тексте клятвы упоминается только Перун [ПСРЛ, т. 1: 32, 54, 73]. Это различие объясняется тем, что с Олегом и Святославом клянется вся Русь, а с Игорем клянется только его дружина. С этим же противопоставлением связано расположение в Киеве идола Перуна в верхней части города у княжеского терема, а идола Велеса — в нижней его части, на Подоле (см. выше). В этом контексте расположение Михайловского храма в княжеской резиденции на Верхнем городище полностью соответствует расположению идола Перуна в древнем Киеве. Тогда, продолжая параллель с киевской ситуацией, можно соотнести Нижнее городище, где располагалась боярская, республиканская администрация Торжка, с образом Велеса. Это вполне соответствует его функциям не княжеского бога и бога богатства. В связи с этим показательно, что эталоны мер и весов, а также, возможно, городская казна хранились в расположенном на Нижнем городище главном храме города — Спасо-Преображенском соборе, известном с 1135 года. Отсюда же кажется семантически вполне оправданным посвящение церкви, стоявшей до 1840-х гг. рядом с собором, Николаю Чудотворцу [Салимов, 2002: 38].

Мотив змеборчества, характеризующий образ Архистратига Михаила в Откровении, также объединяет его с Перуном, Богом грозы — антагонистом Змея. Думается, что именно интерпретация библейского образа Архангела-змеборца в русле образов и мотивов основного мифа обусловила его широкое поэтическое отражение в произведениях фольклора от апокрифов до заговоров против змей и метеорологических примет [Афанасьев, 1995: т. 1, 297; т. 2, 235—236, 301]. В этом свете расположение Михайловского храма на Верхнем городище, напротив церкви свв. Власия, Николая Чудотворца и Дмитрия Солунского на левобережном подоле отражает противопоставление Перуна Велесу как Бога-громовержца Змею.

Помощниками Громовержца в его поединке со Змеем выступают божественные братья-близнецы [Иванов, Топоров, 1974: 163]. Неподалеку от Верхнего городища, где некогда стоял храм Архангела Михаила, расположен монастырь в честь свв. Бориса и Глеба, который также противопоставлен левобережным храмам, связанным с воплощением образа Велеса (ил. 5, 6).



Ил. 5. Вид с левобережья на Верхнее городище Новоторжского кремля. Стрелкой показано место храма Архистратига Михаила. Слева — надвратная церковь Борисоглебского монастыря. Фото автора. 2023 г.



Ил. 6. Вид с левобережья на Борисоглебский монастырь. Справа внизу – Власьевская церковь.
Фото 1870-х г. Собрание ВИЭМ

Это позволяет рассмотреть образы святых князей в связи с образом Перуна. Возможность подобной связи подтверждается близостью дня Ильи-пророка (20 июля) и дня памяти св. Бориса и Глеба (24 июля). Календарной близости этих дней соответствуют характеристики Бориса и Глеба, объединяющие его с образом Ильи. Согласно народным поверьям в этот день нельзя заниматься сельскими работами, иначе молния и гром спалют урожай, вследствие чего Борис и Глеб именуется «Паликопом» от слов *палить* и *копа, копна* [Калинский, 1990: 150].

В народных легендах Борис и Глеб выступают как кузнецы — противники Змея, что связывает их с кузнечной ипостасью Бога-громовержца [Иванов, Топоров, 1974: 163]. Так, согласно одной легенде, они сковали для людей первый плуг, запрягли в него Змея и пропахали им борозду, которую сейчас называют «Змиевым валом» [Афанасьев, 1995: т. 1, 286]. Близечная семантика образа Бориса и Глеба проявляется и в их иконописных изображениях. На всех иконах Борис изображается всегда с усами и небольшой бородой, Глеб всегда безус и безбород. Идея двуединой парности, отраженная в образах близнецов, тесно связана с идеей плодородия. В иконах Бориса и Глеба эта идея просвечивает в зеленом цвете их одежд (иногда в контрасте с красным цветом), украшенных растительным орнаментом, в особой форме шапок, напоминающих початки плодов [Топоров, 1995: 500—501]. Именно на обеспечение плодородия был направлен древний ритуал, лежащий в основе мифа о поединке Громовержца со Змеем [Иванов, Топоров, 1974: 103—136].

Суммируя приведенные наблюдения, можно заключить, что семантика посвящений рассмотренных храмов в контексте их топографической локализации позволяет выделить в мифологическом ландшафте Торжка локус, связанный с главными персонажами основного мифа славянской мифологии — громовержцем Перуном, его Женой, божественными братьями-близнецами и змеевидным противником громовержца (Велесом) (см. табл.).

Мотив обеспечения плодородия, образующий ритуальную основу основного мифа, применительно к городской среде следует интерпретировать как мотив фертильности и брачных отношений, являющихся залогом благополучного существования социума.

Элементы мифологического ландшафта Торжка

Сакральные объекты	Персонажи основного мифа
Ильинская церковь: Илья-пророк, Параскева Пятница	Громовержец и его жена. Перун — Мокошь
Храм Архистратига Михаила	Громовержец-змееборец
Храм и монастырь свв. Бориса и Глеба	Братья-близнецы — помощники Громовержца
Храмы свв. Власия, Димитрия Солунского, Николая Чудотворца	Змеевидный противник Громовержца, Велес

Важным элементом мифологического ландшафта Торжка является река Тверца. На нее ориентированы все упоминавшиеся храмы, они расположены так, что во время продвижения по реке их можно видеть не только каждый в отдельности, но и несколько сразу. Это позволяет воспринимать их как части единого архитектурного ансамбля, что служит предпосылкой для объединения связанных с ними мифологических образов и мотивов в единый смысловой комплекс.

В связи с изложенным может возникнуть резонный вопрос: насколько осознанно мотивированным был выбор посвящений всех упомянутых в статье храмов?

Никаких языческих культовых объектов на месте рассмотренных церквей, вероятно, никогда не было. Исключение, разве что, может составить Ильинская церковь. Вообще, большинство церквей города впервые упоминаются в писцовой книге Торжка 1625 года. Раньше этой даты достоверно фиксируется только существование Спасо-Преображенского собора, Борисоглебского и Воскресенского монастырей. Думается, что здесь вполне уместна параллель с памятниками фольклора. Вряд ли носители народнопоэтической традиции осознавали, что она в своей основе сохраняет древние мифологические представления, и, воспроизводя тот или иной текст, они тем самым актуализировали образы, сюжеты и мотивы, восходящие к временам языческой древности. Поэтому правильным ответом на поставленный вопрос будет понимание семиотического комплекса, образуемого храмами, их посвящением и местом расположения, как архитектурно-ландшафтного слежка духовного мира жителей древнего Торжка.

Список источников

- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. 416 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период). М.: Наука, 1965. 245 с.
- Иванов В.В., Топоров В.В.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балтославянские исследования. 1981. М.: Индрик, 1982. С. 175—179.
- Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Худож. лит., 1990. 238 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М.: Языки рус. культуры, 2000. 496 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 7. М.: Языки рус. культуры, 2001. 369 с.
- Салимов А.М.* Храмовая архитектура Тверской епархии: Очерки истории. Тверь: Твер. обл. тип., 2002. 90 с.
- Сидоров В.М.* Волга: Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб.: Тип. А. Катанского, 1894. 429 с.
- Стрейс, Я.Я.* Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.
- Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис, 1995. 875 с.
- Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. 245 с.

References

- Afanas'ev A.N. (1995) *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovanii v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov: v 3 t.* [Poetic outlook of the Slavs on nature: the experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical tales of other related peoples: in 3 vol.], Moscow: Sovremennyi pisatel'.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. (1965) *Slavjanskije jazykovye modelirujushhie semioticheskie sistemy. (Drevnij period)* [Slavic language modeling semiotic systems. (Ancient period)], Moscow: Nauka.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. (1974) *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei* [Research in the field of Slavic antiquities], Moscow: Nauka.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. (1982) К реконструкции Mokoshi как zhenskogo personazha v slavianskoi versii osnovnogo mifa [To the reconstruction of Mokosh as a female character in the Slavic version of the main myth], *Baltoslavianskie issledovaniia. 1981.* [Balto-Slavic studies. 1981]. Moscow: Indrik, pp. 175—179.
- Kalinskii I.P. (1990) *Tserkovno-narodnyi mesiatseslov na Rusi* [Church-and-people monthly calendar in Russia], Moscow: Khudozhestvennaia Literatura.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1* (2000) [The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1], Moscow: Iazyki Russkoi Kul'tury.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 7.* (2001) [The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 7], Moscow: Iazyki Russkoi Kul'tury.
- Salimov A.M. (2002) *Khramovaia arkhitektura Tverskoi eparkhii: Ocherki istorii* [Temple architecture of the Tver eparchy: Essays on history], Tver': Tverskaia Oblastnaia Tipografiia.
- Sidorov V.M. (1894) *Volga: Putevye zametki i vpechatleniia ot Valdaia do Kaspiia* [Travel notes and impressions from Valdaia to the Caspian Sea], St. Petersburg: Tipografiia A. Katanskogo.
- Streis, Ian Iansen (1935) *Tri puteshestviia* [Three travels], Moscow: Sotsekgiz.
- Toporov V.N. (1995) *Sviatost' i sviaty v russkoi dukhovnoi kul'ture. T. I: Pervyi vek khristianstva na Rusi* [Holiness and saints in russian spiritual culture. Vol. I: The first century of christianity in Russia], Moscow: Gnozis.
- Uspenskii B.A. (1982) *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei. (Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiiskogo)* [Philological Research in the field of Slavic antiquities. (Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra)], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Виктор Владимирович Кузнецов — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Всероссийский историко-этнографический музей, Торжок, Россия, E-mail: tiveriada@yandex.ru

Victor V. Kuznetsov — Cand. Ph. (Philology), scientific associate, All-Russian Historical-and-Ethnographical Museum, Torzhok, Russian Federation, E-mail: tiveriada@yandex.ru

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 44—52.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 4. P. 44—52.

Научная статья

УДК 738(470.331)

DOI: 10.54347/Lab.2023.4.5

СЕМЁН ИВАНОВИЧ МАСЛЕНИКОВ — ВЛАДЕЛЕЦ ГОНЧАРНОГО ЗАВОДА В ДЕРЕВНЕ ЧЕРНЯТКА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Алла Кирилловна Конёнкова

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
г. Москва, Россия, konenkova.a@gmail.com

Аннотация. В статье на основании архивных документов и уже опубликованных отдельных сведений восстанавливается творческая биография Семёна Ивановича Масленикова. Рассматриваются истоки его будущих творческих поисков, образование, круг общения, способствовавший формированию его интереса к технологии производства архитектурной майолики. Приобретя у Н.А. Гужева гончарный завод в селе Чернятка Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, Маслеников начал разрабатывать технологию изготовления архитектурной керамики, которую успешно применил в оформлении целого ряда архитектурных проектов, работая с такими известными архитекторами, как А.С. Каминский, Н.В. Никитин, Н.И. Поздеев, А.Э. Эрихсон. Эта технология была впоследствии успешно использована при изготовлении керамических иконостасов для православных церквей, над которыми Маслеников успешно работал уже в «Товариществе производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М.С. Кузнецова». В этой деятельности Маслеников проявил себя как опытный талантливый инженер, технолог, архитектор, художник.

Ключевые слова: Архитектурная керамика, технология изготовления майолики, завод в селе Чернятка Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, Семён Иванович Маслеников

Для цитирования: Конёнкова А.К. Семён Иванович Маслеников — владелец гончарного завода в деревне Чернятка Тверской губернии // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 44—52.*

Original article

SEMYON IVANOVICH MASLENIKOV IS THE OWNER OF A POTTERY FACTORY IN THE VILLAGE OF CHERNYATKA, TVER PROVINCE

Alla K. Konenkova

A.N. Kosygin RSU (Technologies. Design. Art), Moscow,
Russian Federation, konenkova.a@gmail.com

Abstract. In the article, on the basis of archival documents and already published individual information, the creative biography of Semyon Ivanovich Maslenikov is restored. The sources of his future creative searches, education, social circle, which contributed to the formation of his interest in the production technology of architectural majolica, are considered. Having acquired from N.A. Guzheva pottery factory in the village of Chernyatka, Vyshnevolotsky district, Tver province, Maslenikov began to develop the technology of making architectural ceramics, which he

successfully applied in the design of a number of architectural projects, working with such famous architects as A.S. Kaminsky, N.V. Nikitin, N.I. Pozdeev, A.E. Erikhson. This technology was subsequently successfully used in the manufacture of ceramic iconostases for Orthodox churches, on which Maslenikov successfully worked already in the “Partnership for the Production of Porcelain, faience and majolica products of M.S. Kuznetsov”. In this activity Maslenikov proved himself as an experienced talented engineer, technologist, architect, artist.

Keywords: Architectural ceramics, majolica manufacturing technology, factory in the village of Chernyatka, Vyshnevolotsky district, Tver province, Semyon Ivanovich Maslenikov

For citation: Konenkov, A.K. (2023) Semen Ivanovich Maslenikov — vladelets goncharnogo zavoda v derevne Cherniatka tverskoi gubernii [Semyon Ivanovich Maslenikov is the owner of a pottery factory in the village of Chernyatka, Tver province], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, pp. 44—52.

Основные сведения о биографии Семёна Ивановича Масленникова изложены в исследовании Владимира Крутова «Майоликовый завод в Чернятке» [Крутов, 2020:61—77] и монографии Елены Вячеславовны Антиповой «Завод Гужева-Масленникова-Белина в деревне Чернятка» [Антипова, 2020]. В этих двух изданиях собраны известные на момент их публикации факты о жизни С.И. Масленникова. Дополняют эти сведения архивные документы Константиновского Межевого института, где учился будущий владелец гончарного завода.

Как записано в документах Константиновского Межевого института, Семён Иванович Масленников родился 27 февраля 1846 года (в публикациях В. Крутова и Е.В. Антиповой указывается дата рождения — 23 февраля 1846 года). Его отец имел чин коллежского асессора [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Оп. 4. Ед. хр. 4989. Л. 150 об. 151]. По сообщению В. Крутова Семён Масленников происходил из обер-офицерских детей [Крутов, 2020: 61—77]. В Российской империи обер-офицерские дети не принадлежали к дворянству, но, тем не менее, имели льготы при продвижении по службе и поступлении в учебные заведения.

В. Крутов приводит данные, позволяющие предположить, что семья Масленниковых проживала в Коломне. Здесь С.И. Масленников окончил Коломенское уездное училище. Основанное в 1805 году, оно было одним из старейших училищ Московской губернии. О начальном образовании Масленникова свидетельствует Похвальный лист, выданный ему в 1858 году по результатам открытого испытания «за отличное прилежание, успехи и похвальное поведение» [Крутов, 2020: 61—77].

В сентябре 1860 года Семён Масленников поступил в Константиновский Межевой институт в III класс Особым пансионером [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 179. Ед. хр. 215. Л. 46]. Очевидно, имеется в виду, что Масленников поступил не казенным воспитанником (обучавшимся за казенный счет) или своекоштным пансионером (обучавшимся за свой счет), а пансионером «по разрешению Попечителя» с правом учиться за казенный счет. Этим также объясняется примечание, что по выпуску из института документы Масленникова были представлены Попечителю Института [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Оп. 4. Ед. хр. 4989. Л. 150 об. 151].

При поступлении в Константиновский Межевой институт Масленниковым были поданы следующие документы: Метрическое свидетельство, выданное из Московской Духовной Консистории 27 января 1854 года за № 427; копия с формулярного списка, выданная 19 мая 1859 года за № 166 [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Оп. 4. Ед. хр. 4989. Л. 150 об. 151]. По окончании в 1866 году курса наук Масленников был выпущен межевым инженером (с чином X кл.) [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Оп. 4. Ед. хр. 4989. Л. 150 об. 151].

За время обучения он проявил хорошие способности, а на двух старших курсах — очень хорошие, как было отмечено в его документах. В ежегодных характеристиках, которые преподаватели составляли на каждого ученика, о нем писали, что он был скромный, трудолюбивый, весьма прилежный, аккуратный, добрый и веселый, но при этом

строптив и вспыльчив [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 38; Ед. хр. 227. Л. 38; Ед. хр. 235. Л. 49; Ед. хр. 244. Л. 47; Ед. хр. 265. Л. 38; Ед. хр. 270. Л. 68].

Константиновский межевой институт был одним из лучших высших учебных заведений России, где наряду с необходимыми профессиональными знаниями для межевых инженеров в разные годы преподавался курс гуманитарных наук, таких как История России и Всеобщая история, археология, иностранные языки, а также курс российских древностей, который читал И.Е. Забелин, начальные основания гражданской архитектуры, черчение и рисование. Программа по рисованию включала рисование карандашом, пером, тушью, сепией и акварелью преимущественно ландшафтов, деревьев, растений, различных пейзажей, а также рисование портретов и деталей фигуры человека [ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л.6, об. 7,7 об. 8].

Таким образом, кроме специального образования, Маслеников получил и основательную художественную подготовку, что позволило ему в дальнейшем хорошо проявить себя в керамическом производстве, а также преподавать рисование и компоновку декора ученикам школы при заводе в селе Чернятка [Браиловский, 2016].

После выпуска из Константиновского межевого института Маслеников проработал в Межевом корпусе 8 лет и в 1874 году уволился «согласно прошению по домашним обстоятельствам» в чине титулярного советника [Антипова, 2020]. После двухлетнего перерыва он три года проработал преподавателем математики в Московском училище ордена Св. Екатерины.

Примерно в этот период С.И. Маслеников женился на мещанке Ольге Августовне Каспар, 1850 года рождения [Крутов, 2020: 61—77]. Молодая семья Маслениковых, очевидно, проживала в Москве. Е.В. Антипова сообщает, что внук Борис Витальевич Маслеников вспоминал, как об этом рассказывала бабушка Ольга Августовна [Антипова, 2020: 164]. Об этом свидетельствует также удостоверение, полученное Ольгой Августовной в 1878 году из Московского суда, из которого следовало, что у нее было имение в Москве и Московской губернии [Крутов, 2020: 61—77]. В книге «Вся Москва. Адресная и справочная книга» за 1884 год сообщается, что «Масленикова Ольга Августовна. Жена титулярного советника» является владелицей дома в Проточном переулке (Хамовники. Уч.2/123) [Вся Москва, 1884: 419]. К сожалению, других сведений о проживании семьи Маслениковых в Москве вплоть до 1929 года в справочнике нет. Возможно, семья жила на казённой квартире в помещениях «Товарищества М.С. Кузнецова», так как С.И. Маслеников, начиная с 1890-го года после пожара на фабрике в Чернятке, работал у М.С. Кузнецова. В документе по поводу строительства церкви при фабрике М.С. Кузнецова в селе Кузнецово (Конаково) в 1890 году указывается московский адрес Масленикова, руководившего строительством: «Строительная контора Товарищества М.С. Кузнецова Лубянско-Ильинские Торговые помещения» [ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 81069. Л. 13]. Товарищество лубянско-ильинских торговых помещений размещалось у Ильинских ворот в Китай-городе и сдавало в аренду помещения для контор и под жильё [Устав Товарищества лубянско-ильинских торговых помещений в Москве, 1896]. Здание для Правления «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М.С. Кузнецова» по проекту архитектора Ф.О. Шехтеля было построено только в 1895 году (Мясницкая улица, д.8-2), а в 1890 г. помещение для Строительного отдела Товарищества М.С. Кузнецова, очевидно, арендовалось у Товарищества лубянско-ильинских торговых помещений [Вся Россия. 1899 год: 2794 № 887].

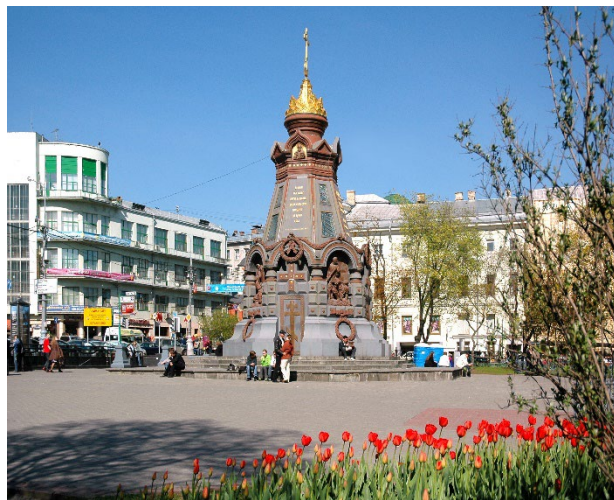
В 1879 году С.И. Маслеников по прошению уволился из училища и в этом же 1879 году купил керамический завод в Чернятке у Николая Андреевича Гужева,

с которым, как пишет Антипова Е.В., возможно познакомился в Екатерининском училище, где тот работал ранее [Крутов, 2020:61—77] (ил.1).



Ил. 1. Деревня Чернятка. Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Поле, где находился завод С.И. Масленикова. Фото автора

Приобретение завода было не случайным, так как С.И. Маслеников к этому времени начал очень серьезно заниматься изучением гончарного дела. Исследователь московской архитектурной керамики М.Н. Нащокина высказала предположение, что до приобретения завода С.И. Маслеников сотрудничал с керамической мастерской Строгановского училища технического рисования [Нащокина, 2014: 392—401], которая в 1867—1892 гг. размещалась при Художественно-промышленном музее Строгановского училища. Мастерской руководил профессор М.В. Васильев. Как отмечают все исследователи, это было время расцвета мастерской. В ней «вели активные экспериментальные работы, связанные с разработкой новых составов керамических глазурей и технологией изготовления архитектурной майолики» [Трошинская, 2005], чем также, очевидно, занимался и С.И. Маслеников. Сотрудничество Масленикова и мастерской Строгановского училища подтверждается также тем фактом, что в создании в 1887 г. архитектурного керамического оформления Часовни



Ил. 2. Часовня-памятник в честь гренадеров, павших под Плевной. Архитектор В.О. Шервуд. 1887. Москва. Фото Ю.В. Робинова

в честь Св. Александра Невского и иконы Божией Матери «Знамение» — памятника гренадерам, павшим в бою под Плевной во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., принимал участие М.В. Васильев — руководитель Строгановской керамической мастерской [Трошинская, 2005] (ил. 2).

Е.В. Антипова сообщает, что к 1879 году Маслеников разработал новый способ изготовления майоликовых изделий с богатой палитрой прочных глазурей, о чем он сделал доклад в Петербургском обществе архитекторов 20 октября 1881 г. [Антипова, 2020: 162—165].

На этом собрании С.И. Маслеников рассказал, что уже давно изучает гончарное производство в России и за границей. Из доклада следовало, что два года назад, то есть в 1879 году, ему удалось разработать новый способ изготовления майолики. До сих пор глазурь обжигалась при небольшой температуре, поэтому образовывались мелкие трещинки — «иголки», через которые атмосферная влага проникала внутрь и способствовала разрушению майолики. Поэтому использовать ее при украшении фасадов домов полноценно не удавалось. Маслениковым был разработан особый состав глазури, которая сделала возможным усилить температуру обжига. Глазурь при нанесении ложилась тонким слоем, что способствовало улучшению качества обжига, в результате чего не образовывались мелкие трещинки и глазури хорошо переносили атмосферные изменения.

Качество майолики, изготовленной новым способом, было впервые опробовано при оформлении домово́й церкви в имении Петрово-Солово́во в селе Карай-Салтыково Кирсановского уезда Тамбовском губернии, построенной в 1879 году архитектором Иваном Сергеевичем Лионом [Крупский, 1896: 246; Зодчие Москвы, 1998: 158]. По словам Масленикова: «здесь весь храм — стены, колонны, двери, — одним словом, всё, кроме главы и креста, облицовано подобными майоликовыми цветными изразцами» [Протокол собрания Санкт-Петербургского Общества архитекторов, 1881: 323—324.]. Оформленная глазурями Масленикова церковь к моменту доклада простояла две зимы, и никаких дефектов выявлено не было.

Маслеников также сообщил, что к 1881 году ему были заказаны из майолики: иконостас в г. Каширу, памятник на могилу С.М. Соловьева по проекту В.С. Шервуда, а также отделка часовни Боголюбской Божией Матери по проекту архитектора Н.В. Никитина. На выставке, которая сопровождала сообщение Масленикова, были представлены фрагменты иконостаса и детали украшения Боголюбской часовни. На сегодняшний день эти названные Маслениковым работы не сохранились, данных о них никаких нет.

Глазури были огнеупорными, могли быть матовыми и блестящими и могли иметь любой цвет. В палитре цветов, разработанных предприятием С.И. Масленикова для полив (цветных глазурей) было более 200 оттенков. Поливы составлялись в особом здании под руководством мастера Василия Ивановича Жукова. Кроме кабинетной керамики и посуды завод производил поливные майоликовые изразцы и живописные плитки для иконостасов и архитектурных облицовок [Крупский, 1896: 246].

М.Н. Нащокина приводит следующий перечень известных архитектурных изделий завода С.И. Масленикова: 1875 г. — керамическое убранство особняка потомственной почетной гражданки А.В. Лопатиной на Большой Никитской улице в Москве (арх. А.С. Каминский); 1876—1881 гг. — орнаментальные майоликовые украшения церкви в имении Петрово-Солово́во в с. Карай-Салтыкове Кирсановского уезда Тамбовской губернии; 1880—1883 — керамический архитектурный декор часовни Св. Пантелеймона у Владимирских ворот в Москве (арх. А.С. Каминский); 1882 г. — декор Царского павильона XV Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставки в Москве (архитектор А.Е. Вебер, А.С. Каминский); 1887 г. — керамическое устройство интерьера часовни в честь Св. Александра Невского и иконы Божией Матери «Знамение» у Ильинских ворот Китай-города; 1890 г. —

керамический архитектурный декор часовни иконы Божией Матери при Варварской башне Китай-города в Москве (архитектор Н.В. Никитин) [Нащокина, 2014: 392—401]. Особенно надо отметить создание внутренней архитектурной структуры интерьера часовни Св. Александра Невского и иконы Божией Матери «Знамение» у Ильинских ворот Китай-города. Здесь особенно пригодились знания об архитектуре, полученные Маслениковым в Константиновском Межевом институте (ил. 3, 4).



Илл. 3 и 4. Внутреннее убранство часовни. Архитектурная керамика.
Художник-керамист С.И. Маслеников. Фото Ю.В. Робинова

Рассказывая о технологии изготовления майоликовых изразцов, Маслеников отметил, что «изразцы укрепляются на кирпичной кладке особого состава цементом, после чего, по опыту, невозможно отделить изразцов иначе как с кусками кирпича» [Протокол собрания Санкт-Петербургского Общества архитекторов, 1881: 323—324]. В докладе было отмечено также, что на заводе С.И. Масленикова «выделяется черепица всех цветов, кроме ярко-красного, так как этот цвет непрочен» [Протокол собрания Санкт-Петербургского Общества архитекторов, 1881: 323—324].

В конце XIX в. известный исследователь фабрично-заводской промышленности России, профессор Санкт-Петербургского Технологического университета А.К. Крупский считал, что завод С.И. Масленикова «в руках этого интеллигентного руководителя» явился основателем производства майолики в России. До этого майолику ввозили в Россию из Европы, преимущественно из Англии. А.К. Крупский считал также, что образцами для начала майоликового производства на заводе С.И. Масленикова послужили изделия фабрики Минтона [Крупский, 1896: 246] — одной из самых знаменитых английских фабрик, майолика которой (скульптура, посуда и архитектурная керамика) была особенно популярна в Европе и в России во второй половине XIX в. Майолика фабрики Минтона появилась впервые в 1850 году, и на протяжении многих лет эта фабрика была единственным ее производителем [Минин, 2021].

Инженерный и архитектурный талант Масленикова проявился в разработке технологии создания и эстетики архитектурной керамики. Создавая архитектурную керамику, Маслеников сотрудничал с известными архитекторами Москвы, такими как с А.С. Каминский, Н.В. Никитин, Н.И. Поздеев, А.Э. Эрихсон.

В документах Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М.С. Кузнецова имя С.И. Масленикова упоминается в связи со строительством в 1890 году при фабрике деревянного храма во имя Св. Благоверного и Великого Князя Александра Невского, в память чудесного спасения Государя

Императора Александра III и Его Августейшей Семьи 17 октября 1888 г. при крушении железнодорожного поезда у деревни Борки под Харьковом.

В документах, разрешающих строительство храма, было указано условие начала строительства — назначить опытного архитектора для наблюдения за постройкой. Этим ответственным архитектором был назначен «Инженер Коллежский Ассессор Семен Иванович Маслеников» [ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 81069. Л. 13].

Церковь была закрыта в 1920-х годах и в ней разместили склад. По воспоминаниям старожилов Конаково, хранящихся в Архивном отделе Конаковской Администрации (фонд Г.В. Лубова), за зданием не ухаживали, не ремонтировали, стала протекать крыша. Но здание все еще было в хорошем состоянии. Церковь не была разрушена и во время Великой Отечественной войны. Но в конце 1950-х гг. из-за плохого состояния здания склад вывели, а само здание стали растаскивать жители. В начале 1960-х годов посчитали, что в деревянном здании церкви сгнили конструкции, его разобрали за две недели, а доски увезли в Завидово, где их использовали при строительстве хозяйственного помещения. Оказалось, что технической необходимости в разборке не было, все деревянные материалы были целы, без гнили [Конёнкова, 2018: 183—192]. Благодаря Масленикову, руководившему строительством, церковь была выстроена добросовестно и основательно и простояла бы еще долгое время.

У потомков С.И. Масленикова, по сведениям В. Крутова, хранится памятная настенная тарелка, на которой в центре расположено изображение церкви и по кругу слова: «В знак благодарности Инженеру Семену Ивановичу Масленикову от Служащих и рабочих, за построение храма при Тверской фабрике тов. М.С. Кузнецова, освященного 15-го Сентября 1891 г. Архиепископом Тверским и Кашинским Саввою» [Крутов, 2020: 61—77].

Автор выражает благодарность председателю Тверского краеведческого общества Михаилу Викторовичу Строганову, председателю Вышневолоцкого краеведческого общества им. М.И. Сердюкова Денису Михайловичу Ивлеву, президенту Культурно-исторического фонда «Удомля» Борису Константиновичу Виноградову, краеведам Владимиру Крутову, Алексею Крючкову, Дмитрию Подушкову, Михаилу Павловичу Васильеву, оказавшим большую помощь в сборе информации, поделившись своими воспоминаниями и сведениями о заводе С.И. Масленикова.

Список источников

- Антипова Е.В. Завод Гужева-Масленикова-Белина в деревне Чернятка. Под ред. Ирины и Сергея Насоновых. М.: Изд. «Среди коллекционеров», 2020. 375 с., ил.
- Брашловский Г. Миргородская художественно-промышленная школа имени Николая Гоголя. 2016. // URL <https://starovina.livejournal.com/437736.html> (дата обращения: 11.09.2022).
- Вся Москва. Адресная и справочная книга за 1884 г. М: Московская городская управа, 1884.
- Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. [1899 год]. — Т. 1. VIII — 322 с., 2854 стб. разд. паг.: ил. Ст.2794 №887.
- ГАТО. Ф.466. Тверское губернское правление. Оп. 1. Строительное отделение. Ед. хр. 81069. Л.13.
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 1. Ед. хр. 215. Отчет о состоянии Межевого Института за 1860 г. 14 февраля. 1861 г. 1+83 л. Л.38.
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 1. Ед. хр. 215. Отчет о состоянии Межевого Института за 1860 г. 14 февраля. 1861 г. 1+83 л. Л.6, об. 7,7 об. 8.
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф.179. Московское городское общественное управление. Московская городская управа. Ед. хр. 215. Отчет о состоянии Межевого Института за 1860 г. 14 февраля. 1861 г. 1+83 л. Л. 46.
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп.1. Ед. хр. 227. Отчет о состоянии Межевого Института за 1861 г. Л. 38;
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 1. Ед. хр. 235. Отчет о состоянии Межевого института за 1862 год. 19 марта 1963. 1+94. Л. 49.

- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 1. Ед. хр. 244. Отчет о состоянии Межевого института за 1863 год. 8 апреля 1864. 1+95. Л. 47.
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 1. Ед. хр. 265. Отчет о состоянии Межевого Института за 1865 год. 6 апреля 1866. 1+83. Л. 38.
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 1. Ед. хр. 270. Отчет о состоянии Межевого Института за 1866 год. 2 января-10 марта 1867. 1+105 л. Л. 68;
- ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 1905. Константиновский межевой институт. Оп. 4. Ед. хр. 4989. Книга записи документов (алфавитн) воспитанников, поступивших в Константиновский межевой институт. 1843—1868. Л. 150 об. 151.
- Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е — 1917 гг.). М.: Фирма «КРАБиК», 1998.
- Конёнкова А.К. О мозаичном убранстве часовни в честь гренадеров, павших под Плевной // Кадашевские чтения. Сборник докладов XXIII конференции. М., 2018. С. 183—192.
- Крупский А.К. Керамические производства // Фабрично-заводская промышленность и торговля России с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской империи. Издание 2-е испр. и доп. СПб., 1896.
- Крутов В. Майоликовый завод в Чернятке. Историко-краеведческий очерк // Архитектурная керамика мира. 2020. № 4. С. 61—77.
- Минин В. Из истории фабрики Minton.2021 // URL <https://wpac.ru/iz-istorii-minton/> (дата обращения: 15.09.2023).
- Нащочкина М.В. Московская архитектурная керамика. Конец XIX — начало XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014—560 с., ил.
- Протокол собрания Санкт-Петербургского Общества архитекторов от 20 октября 1881 г. // Еженедельное прибавление к журналу «Зодчий». Неделя строителя. 1881. № 46. С. 323—324.
- Трошинская А. Керамика и керамисты Строгановки// Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. М., 2005, № 11 (32). С. 38 URL: <https://antiqueland.ru/articles/1405/> (дата обращения: 10.09.2022).
- Устав Товарищества лубянского-ильинских торговых помещений в Москве Утв. 25 марта 1888 г. М., 1896. —16 с.

References

- Antipova, E.V. Guzhev-Maslenikov-Belina plant in the village of Chernyatka. Ed. Irina and Sergey Nasonov. M.: Publishing house "Among collectors", 2020. 375 p., ill.
- Brailovsky, G. Mirgorod Art and Industrial School named after Nikolai Gogol. 2016, URL: <https://starovina.livejournal.com/437736.html> (accessed: 11.09.2022).
- All of Moscow. Address and reference book for 1884 M: Moscow City Council, 1884.
- All of Russia. Russian Book of Industry, Trade, Agriculture and Administration: commercial and Industrial address-calendar of the Russian Empire. [1899]. Vol. 1. VIII — 322 p., 2854 stb. section. pag.: il. St.2794 No. 887.
- Architects of Moscow of the time of eclecticism, Art Nouveau and neoclassicism (1830 — 1917). Moscow: Firm "KRABiK", 1998.
- Konenkova, A.K. About the mosaic decoration of the chapel in honor of the grenadiers who fell at Plevna, Kadashev readings. Collection of reports of the XXIII Conference. Moscow, 2018. pp. 183—192.
- Krupsky, A.K. Ceramic production, Factory industry and trade of Russia with the application of the general map of the factory industry of the Russian Empire. 2nd edition of ispr. and additional St. Petersburg, 1896.
- Krutov, V. Majolica plant in Chernyatka. Historical and local history essay, Architectural ceramics of the world. 2020. No. 4. pp.61—77.
- Minin, V. From the history of the Minton factory.2021, URL <https://wpac.ru/iz-istorii-minton/> (accessed: 15.09.2023).
- Nashchokina, M.V. Moscow architectural ceramics. The end of the XIX — the beginning of the XX century. Moscow: Progress-Tradition, 2014. 5 560 p., ill.
- Minutes of the meeting of the St. Petersburg Society of Architects dated October 20, 1881, Weekly supplement to the magazine "Architect". Builder's Week.1881. No. 46. pp.323—324.

Troshchinskaya, A. Ceramics and ceramists of Stroganovka, Antiques. Objects of art and collectibles. Moscow, 2005, No. 11 (32). p.38 URL: <https://antiqueland.ru/articles/1405/> (accessed: 09/10/2022).

The Charter of the Lubyansk-Ilyinsky Trading Premises Partnership in Moscow Approved on March 25, 1888, 1896. —16 s.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Информация об авторе/ Information about the author.

Алла Кирилловна Конёнова— кандидат культурологии, доцент кафедры общего и славянского искусствознания, Российский гуманитарный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Россия. E-mail: konenkova.a@gmail.com

Alla K. Konenkova — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of General and Slavic Art Studies, Kosygin Russian University for the Humanities (Technologies. Design. Art), Moscow, Russian Federation. E-mail: konenkova.a@gmail.com

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 53—60.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 4. P. 53—60.

Эссе

УДК 791.43-2(519.5)

DOI: 10.54347/Lab.2023.4.6

**ВОДКА С СОДЖУ — ВЗБОЛТАТЬ, НО НЕ СМЕШИВАТЬ.
РОССИЯ И РУССКИЕ В КОРЕЙСКОМ КИНО**

Александр Александрович Портнов

Московский государственный университет им М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия, 12Alex06@mail.ru

Для цитирования: Портнов А.А. Водка с соджу — взболтать, но не смешивать. Россия и русские в корейском кино // Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 4. С. 53—60.

Essay

**VODKA AND SOJU - SHAKEN BUT DO NOT MIX.
RUSSIA AND RUSSIANS IN KOREAN CINEMA**

Alexandr A. Portnov

Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 12Alex06@mail.ru

For citation: Portnov, A.A. (2023) Vodka s sodzhu — vzboltat', no ne smeshivat'. Rossiya i russkie v korejskom kino [Vodka and soju — shaken but do not mix. Russia and russians in korean cinema], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, pp. 53—60.

География — дама суровая. Если ей взбредет в голову испортить жизнь целому народу, она это сделает мастерски: в добром расположении духа обезобразит половину вашей территории вечной мерзлотой, ну а в скверном может и стратегическими запасами нефти «наградить» (всю дальнейшую работу выполнит Шестой флот). Корею и повезло, и не повезло. С одной стороны, ее ресурсов хватает для более-менее сытой жизни, но маловато с точки зрения потенциальных колонизаторов, долго игнорировавших сам факт существования этой страны. С другой, достаточно взглянуть на глобус, чтобы увидеть все незавидное положение, в котором корейцы пребывают последние две тысячи лет: с запада над ними нависает полуторамиллиардный Китай, с востока грозят катаной японские самураи. Учитывая их теплые взаимные отношения, судьба Кореи вот уже не одно столетие сводится к тому, чтобы быть ареной для размахивания кулаками более сильных соседей, и если она решала примкнуть к Китаю, то немедленно попадала под горячую руку японцев, а оказавшись под Японией, получала уже от китайцев. Только в Новейшее время ситуация несколько изменилась, когда в регионе появились два новых игрока из числа «заморских варваров». Одним из этих игроков стали Соединенные Штаты, а другим — Россия.

Нашим отношениям с Южной Кореей немногим более тридцати лет, и, разумеется, в условиях жесткой конкуренции за такой короткий срок чего-то путного достичь не получилось. Главным экономическим партнером Сеула в итоге стал Китай, военный союзник его со Штатами, культурный обмен наиболее интенсивно налажен с Японией, а мы пока довольствуемся статусом вечных аутсайдеров. Но только не в кино. Зритель, открывающий для себя южнокорейский кинематограф, может с удивлением обнаружить, что Россия и ее граждане всплывают там ничуть не реже японцев и точно чаще, казалось бы, гораздо более ожидаемых американцев (впереди только Поднебесная). Русская речь звучит и в таких кассовых хитах, как «Горечь и сладость» или «Моя жена — гангстер», и в подзабытом «Тайфуне», заметная часть которого происходит во Владивостоке. Периодически и ключевые герои оказываются связаны с Россией. Это внимание к нашей стране никак не коррелирует с ее реальной ролью в южнокорейской политике, экономике и повседневной жизни корейцев и представляет собой настоящий феномен, такую неожиданную причуду восточной души, к которой стоит присмотреться повнимательнее (ил. 1).



Ил. 1. Кадр из фильма «Тайфун» (2005). На заднем плане хорошо видна вывеска «Владивосток Авиа»

Сразу разбавим бочку меда ложкой, а то и полноценным половником дегтя — большинство среди русских в южнокорейском кино составляют бандиты. Ельцин сделал едва ли не больше для формирования негативного образа России в мире, чем все преступления коммунизма мнимые и реальные, из-за чего воспринимать ее эпицентром мировой преступности будут еще очень долго. Количество корейских фильмов, в которых фигурируют «раши гангстерс», подсчитать, по всей видимости, невозможно: «Ветеран», «Ночь в раю», «Спасти панду», «Грязные миллионы», «Миссия выполняема», «Кооперация 2: Интернэшнл», сериалы «Лицом к лицу», «Убей», «Плохой и сумасшедший» и т. д. и т. п. Даже в прошлогоднем боевике «Киллер-хранитель» финальным боссом оказывается фактурный бандит Юрий, занятый торговлей людьми. Причем понятие «русский» для корейцев очень растяжимое — под ним могут пониматься как этнические представители русского народа независимо от подданства, так и граждане России без различия уже национальности, а то и русские корейцы из числа корё-сарам, даже если в карманах у них лежат среднеазиатские паспорта. Тот же Юрий из «Киллера-хранителя» вполне себе кореец в исполнении уроженца Кванджу Брюса Хана, как и, например, наркоторговцы, с которыми боролся герой Ли Дон-ука в сериале «Плохой и сумасшедший». Последние сильно теряют в свирепости, стоит им перейти на русский, которым актеры, естественно, не владеют — ничего членораздельного кроме «ладно» и «давай» суровая русская

мафия выдавить из себя по итогу не может. Промышляют такие русские самыми непотребными вещами, контрабанда и подделка документов, среди которых, пожалуй, выглядят наиболее невинно, однако, в отличие от Голливуда, их не выставляют инфернальной угрозой, периодически даже расцветивая придающими человечности деталями. Например, бандит из проходной в целом комедии «Спасти панду», созданной с единственной целью навариться на китайском кинорынке, даже выдает сентенцию, в духе, посмотрите, что капитализм сделал с моей страной, разве я не имею права отплатить капиталистам той же монетой? Не замечены южнокорейцы и в коверкании русских имен — «Иванов Драго» и «генералов Гоголей» в их кино не встретишь, а наиболее экзотично смотрятся разве что наемники из боевика «Частная военная компания» белорус Димитрий Иванова и латыш Маркус Дроздов.

«Бандитская тема» отпускает корейцев лишь при обращении к сюжетам прошлого. Поскольку наши соотечественники открыли для себя Корею в самом конце XIX века, исторических фильмов с их участием не так много. Вдобавок, влияние империи Романовых на Корейском полуострове испарилось после поражения от Японии, из-за чего наиболее ярким сюжетом в отношениях двух стран осталось бегство короля Коджона в русскую дипломатическую миссию, где монарший двор пребывал с 1896 по 1897 год. Эти события, сопровождавшиеся убийством корейской королевы и попытками японцев закрепиться на континенте, многократно переносились на экран, но российскоподданным в таких постановках места практически никогда не находилось. Исключение составляет разве что шпионский фильм 2012 года «Русский кофе» — по сюжету японцы, где обманом, а где угрозами вербуют двух корейцев, чтобы те втерлись в доверие к Коджону и подсыпали яд в его любимый кофе. Посколькуна кофе Коджона подсадили наши, то и киллеров нанимают с опытом жизни в России (клички у них соответствующие — Таня и Ильич). Разумеется, любовь и патриотизм берут свое, и несостоявшиеся убийцы сами срывают всю операцию, отсрочив утрату Родины независимости на полтора десятилетия (ил. 2).



Ил. 2. Ильич и Таня — главные герои фильма «Русский кофе» (2012)

Россия, которую мы потеряли, в фильме представлена обильно, на фоне регулярно появляются ее солдаты и офицеры, Таня с Ильичом даже какое-то время обретаются в Петербурге, даря нам возможность насладиться своим ломаным русским языком, приводящим в восторг местную публику. Увы, это, наверное, единственное, чем фильм примечателен — повествование уж очень размеренное для шпионского боевика, да и режиссер явно предполагал, что корейский зритель и так в курсе всех событий, поэтому от обилия имен, дат и топонимов вреда не будет. Хитом «Русский кофе» не стал, оценки получил средние, хотя актрису, игравшую Таню, какой-то наградой все же отметили. В силу объективных причин нам тяжело тягаться в популярности с японцами и китайцами, когда речь заходит об историческом жанре — Цусима и Мукден привели к тому, что Россия никак не обнаруживала свое присутствие к югу от 38-й параллели вплоть до девяностых, что, в теории, исключает весь советский период из поля зрения корейских режиссеров. В теории. Но не на практике.

За три месяца до «Русского кофе» свет увидела лента «Мой путь», посвященная судьбе спортсмена-марафонца Ким Джун-сика, в годы Второй Мировой ухитрившегося отслужить в японской армии, угодить в плен на Халхин-Голе, отслужить в РККА, угодить в плен под Москвой и, отслужив в вермахте, попасть-таки в Нормандии в плен к американцам, которые бедолагу служить уже не заставляли. Несмотря на то, что достоверность всей этой истории вызывает сомнения даже у Википедии, создатели каким-то образом ухитрились вlepить в титры дежурную фразу про «реальные события», хотя местный Советский Союз больше всего напоминает самого себя из михалковских «Утомленных солнцем» — ГУЛАГ, штрафбаты, заградотряды, кровавые комиссары, репрессии, стрельба в спину собственным наступающим частям, все как мы любим. Разве что процесс дефекации в исполнении пилота «юнкерса» не показали. Впрочем, учитывая, что основой для фильма послужила книга Энтони Бивора (того самого, который, взяв статистику по одной единственной берлинской больнице, вывел цифру в 2 миллиона изнасилованных красноармейцами немок), удивляться не приходится. При том, что в кадре присутствуют японцы, ненависть к которым способна примирить южнокорейца хоть с чертом, хоть с Ким Чен Ыном, ни один из них не показан столь неприглядно, как наши соотечественники. В конце концов ужасы коммунистического Мордора буквально вынуждают главгероя перейти на сторону нацистов, где есть хоть какой-то шанс на выживание. Переход линии фронта заслуживает отдельных дифирамбов, так как сопровождается штурмом целой заснеженной горной гряды — где корейцы под Москвой ухитрились найти горы, одному Богу ведомо. Фильм вообще балансирует на опасной грани прямой реабилитации гитлеровцев, а вермахт тут, в отличие от Красной армии, и вовсе показан подлинным оплотом дружбы народов: форма со свастикой красуется на представителях чуть ли не всех наций и рас планеты, вплоть до Кавказа и Индии (разве что чернокожих не завезли), никто никого не унижает, все «истинные арийцы» вежливы и дружелюбны в общении друг с другом, шоколадки налево, направо не раздают, конечно, но и ни в каких зверствах тоже в общем-то не замечены. Конечно, для корейцев Германия почти как для нас Австралия и странно ожидать от них чего-то уровня «Иди и смотри», но в исполнении нации, которая за сто лет так и не заглушила боль от японской оккупации, обеление точно таких же оккупантов и принижение борцов за свою независимость, отдает лицемерием. Вдвойне странно, что режиссер Кан Джэ-гю в свое время с фильмами «Шири» и «38-я параллель» одним из первых попы-

тался очеловечить образ северокорейцев — вот уж от кого точно не ожидаешь экранизации самых топорных штампов о коммунизме (ил. 3).



Ил. 3. Создатели фильма «Мой путь» (2011) отправили главгероя служить в Красную армию... ей Богу, зря

По счастью, «Мой путь» — это все же пример исключительный, настолько негативно показывать Россию никто не решался ни до, ни после. На Родине фильм провалился с треском, при бюджете в 24 миллиона долларов собрав меньше 17. Видимо, корейцы тоже были не готовы к такой трактовке Второй Мировой. К настоящему моменту у них утвердился взгляд на Россию, как на страну суровую и не совсем безопасную, но по большому счету ничем принципиально не отличающуюся от прочих стран. Более того, не смотря на засилье русской мафии на экранах,

подлинными цитаделями преступности, если верить корейскому кино, являются Китай и Таиланд, на фоне которых Русь-матушка смотрится относительно презентабельно. Более того, все чаще стереотипы о России подвергаются высмеиванию со стороны корейцев. Так, в замечательной комедии «Миссия выполнима» героев — южнокорейского разведчика и его китайскую визави — очередное секретное задание заносит прямиком во Владивосток. Рассчитывая слиться с толпой, они, естественно, переодеваются в шубы и шапки-ушанки, после чего с удивлением обнаруживают, что летом в России, оказывается, очень жарко, а местные, смотрящие на гостей, как на идиотов, предпочитают майки и шорты. Несмотря на то, что и «Миссия выполнима» не обошлась без очередного бандита Юрия в команде плохишей, ее светлый и позитивный тон, приправленный хорошей порцией юмора, оставляет, скорее, приятное послевкусие.

Совсем свежий сиквел хита 2017 года «Кооперация», получивший подзаголовок «Интернэшнл», так же не обошелся без шуток про Россию: если в первой части сценаристы свели вместе северокорейского и южнокорейского детективов, то теперь их тандем расширился за счет американо-корейца Джека на службе ФБР, а в число второстепенных персонажей затесался мелкий жулик Сергей — кореец уже российского производства. В одной из сцен детективы, чтобы расколоть Сергея, решают пригрозить ему выдачей на Родину, где как раз простаивает уютный лесоповал, и, для большей убедительности, переодевают Джека в российскую униформу. Поскольку по-русски тот знает только несколько клишированных фраз для ухаживания за девушками плюс простейшие вопросы, в духе, «где здесь туалет?», допрос с его участием производит поистине душераздирающее впечатление. Добавляет комизма сцене то, что специально прилетевший якобы по душу Сергея опер носит типичную русскую фамилию «Тарковский» (ил. 4).

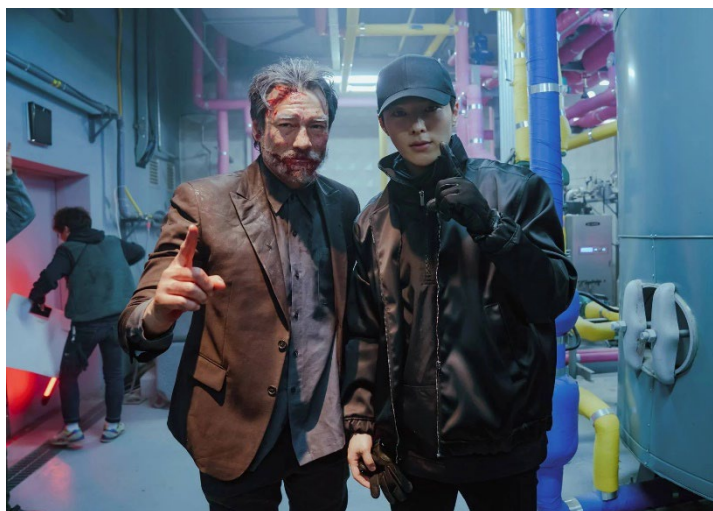


Ил. 4. Дэвид Ли Макиннис в роли майора ГРУ Станислава Петрова в сериале «Лицом к лицу» (2017)

Но, пожалуй, самым неожиданным образом русская тема всплывает в прекрасном, хотя и не самом известном сериале «Лицом к лицу». Как и в случае с фильмом «Миссия выполнима», в центре сюжета здесь находится агент южнокорейской разведки Ким Сор-у, в силу обстоятельств вынужденный играть роль телохранителя взбалмошной кинозвезды, параллельно распутывая клубок интриг, связывающий его непосредственное начальство, верхушку чеболей и международную преступность. В первой же серии Киму приходится вытаскивать из венгерской тюрьмы своего боевого товарища, которым оказывается майор ГРУ по имени Станислав Петров

в исполнении дико харизматичного Дэвида Ли Макинниса — в сериале его не так много, но Петров именно что положительный герой, регулярно выручающий корейского коллегу из разных запутанных ситуаций, а судя по медальному иконостасу, он еще и Герой Советского Союза до кучи. Макиннис вообще может претендовать на неофициальный титул «главного русского Кореи», даром что у него немецко-ирландские корни: в «Спасти панду» бандита Дмитрия играл так же он, а в сериале «Убей» актеру досталась роль наставника главгероя — страдающего от Альцгеймера киллера Павла, которого, увы, достаточно быстро отправляют в расход. «Лицом к лицу» хронологически был первым проектом, в котором Маккинису пришлось примерить образ сурового «раши мэна» и, судя по всему, корейцам этот образ пришелся по душе.

В «Лицом к лицу» России в принципе уделено довольно много экранного времени — так, в одной из серий Ким со товарищи отправляется в Москву по приглашению местного олигарха Виктора, большого фаната южнокорейского кино. Олигарх явно пришел из Голливуда, разве что инфернальные планы приберег для очередного «Довода», а так характеристики у него самые ожидаемые: и всей нефтью в стране он командует, и сам президент Путин его боится, и родные спецслужбы ничего ему сделать не могут, что не мешает им потом не без помощи Ким Сор-у посадить на нары не в меру зарвавшегося «хозяина заводов, газет, пароходов». Визит корейских гостей не обходится без забавных казусов. Так, дворец Виктора, если верить показанной на мгновение карте, расположен где-то во глубине сибирских руд, хотя по сюжету герои явно не покидали столицу (корейцам вообще известны только два российских города — Москва и Владивосток, чуть ли не единственным исключением является фильм «Тайфун», где совершенно неожиданно фигурирует Уссурийск). Причем, судя по всему, у Ким Сор-у в России связи не только в ГРУ, поскольку гостиницей для героев служит хорошо узнаваемое здание МИД на Смоленской площади. Впрочем, эти мелочи вызывают скорее добрую улыбку. Шпионское кино сеульского производства вообще наиболее комплементарно по отношению к нам — помимо «Лицом к лицу» и «Миссия выполнима» можно вспомнить прошлогодний боевик «Якша: суровые методы», где русская разведка хотя и не фигурирует напрямую, но регулярно упоминается как вполне дружественная сила, помогающая южанам и северянам бороться против общего врага, которым являются, разумеется, японцы (ил. 5).



Ил. 5. И он же в роли киллера Павла в сериале «Убей» (2019)

Практически всех заметных русских персонажей в «Лицом к лицу», да и в любом другом корейском проекте, играют отнюдь не русские. Чаще всего на эти роли зовут американцев (реже французов), а если надо воплотить представителя корё-сарам, то с задачей справляются сами южнокорейцы. Даже в таком фильме, как

«Лена», посвященном судьбе репатриантки из России, главную роль играет уроженка Южной Кореи (справедливости ради, не смотря на название, фильм посвящен не столько судьбе русских корейцев, сколько актуальной для Сеула проблеме вымирания сельской глубинки, вынуждающей местных жителей «выписывать» себе жен из-за границы). Впрочем, нашим людям в таком кино все же находится место. Прежде всего, когда речь заходит о массовке, то русские в ней могут быть представлены в большом количестве — «Ветеран», «Тайфун» или та же «Лена», как пример. Редко, но все же кому-то из российских актеров могут доверить и вполне значимую по сюжету роль. Наибольшего успеха в этом плане добился Вадим Домашенко, сыгравший безымянного торговца оружием в «Горечи и сладости». Его виртуозное владение трехэтажными конструкциями и эмоциональная перепалка с южнокорейским комиком О Даль-су, изображавшим напарника Вадима и так же пытавшимся что-то лепетать на великом и могучем, вряд ли оставили равнодушными тех, кто видел этот фильм. Позднее Домашенко играл и в других корейских хитах, таких, как «Травы» или «Моя девушка — спецгент», но то были роли уже сильно третьего плана. В историческом боевике 2020 года «Мастер меча», действие которого происходит в средневековой Корее, неожиданным образом экранной девушкой главзлодея стала уроженка Санкт-Петербурга Ангелина Данилова. Роль у нее, правда, была без слов. В последнее время появляются звезды халлю из числа корё-сарам — актеры Солон Пак («Мы все мертвы», «Месть от третьего лица»), Елена Ан («Хроники Асдала»), Юрий Пак («Имитация»), как не сложно понять из их имен, являются выходцами с постсоветского пространства, в свое время перебравшимися на историческую Родину. Есть не чуждые русской культуры и среди собственно полуостровных корейцев. Так, Пак Шин-ян («Рисующий ветер») получал образование в Училище Щепкина, а его коллега Хо Сон-гхэ («Игра в кальмара») закончил факультет русского языка Пусанского университета и некоторое время торговал продукцией LG на нашем рынке — оба актера свободно говорят по-русски.

Наконец, есть кое-что еще, помимо географии и наличия в корейском кино собственного «русского лобби», что связывает Страну утренней свежести с нами. Музыка. О том, что в России хватает фанатов кей-попа, говорить излишне, но вот то, что в Корее масса поклонников русской музыки, из внимания, к сожалению, ускользает. И корейцы не просто ее слушают и исполняют — они активно вставляют ее в свое кино. В одной из серий дорамы «Потомки солнца» можно услышать группу «Кино», в боевике «Срочная доставка» главный герой с девушкой танцует на пляже под «Очи черные», а по-настоящему народным шлягером, популярным по обе стороны от 38-й параллели, является песня «Миллион алых роз». Она звучит в мелодраме «Когда любовь борется с судьбой», комедии «Ай кэн спик», героиня криминальной ленты «Жестокий зимний блюз» называет ее своей любимой песней, а один из персонажей боевика «Непредсказуемый» поет про «ту, что любила цветы» на протяжении всего фильма. Но наиболее запоминающимся образом «Миллион алых роз» был использован в инди-драме «Без сожалений», где он звучит в гей-клубе во время



Ил. 6. В фильме «Когда любовь борется с судьбой» (2005) Россия не упоминается, но стараниями костюмеров можно почувствовать ее незримое присутствие

исполнения стриптиза — такая всенародная популярность за 7000 км от МКАД Алле Борисовне и не снилась (ил. 6).

Безо всяких телодвижений с нашей стороны корейцы ухитряются демонстрировать искренний интерес к России и русским. При этом спектр эмоций, которые у них вызывает северный сосед, довольно широк и отнюдь не всегда эти эмоции положительны (гораздо большую комплиментарность по отношению к себе отечественный зритель может обнаружить, внезапно, в кино Таиланда — при, казалось, полном несовпадении культур, герои таких тайских фильмов, как «Аферист» и «Подарок», вполне открыто высказывают симпатии к России). Отчасти интерес корейцев носит инерционный характер — сейчас сложно представить, что еще сорок лет назад в Москве видели ориентир и пример для подражания миллионы азиатов, в том числе и в Южной Корее, как раз переживавшей период борьбы против военной диктатуры и одно время поголовно зачитывавшейся Максимом Горьким. С завершением коммунистического эксперимента внимание к России поутихло, но, как видно, не пропало полностью. Прикладывай мы хоть какие-то усилия, и, глядишь, на улицах Сеула и русских флагов было бы побольше, и русский язык не считался бы среди корейцев экзотикой.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.10.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Александр Александрович Портнов — аспирант кафедры истории Средних веков, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, 12Alex06@mail.ru

Alexandr A. Portnov — postgraduate student of the Department of History of the Middle Ages, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 12Alex06@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR THE AUTHORS

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу <https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся имя, отчество и фамилия автора, название статьи, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы);

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (имя, отчество и фамилия, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта));
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- название статьи на английском языке;
- имя и фамилия в транслитерации (в латинском алфавите). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <http://www.langust.ru/etc/translit.shtml>;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

Электронное издание

LABYRINTH
Теории и практики культуры

Научный журнал

№ 4 — 2023

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *О. Н. Масленникова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Е. Е. Андреевской*
Дизайн обложки *А. Евлоевой и В. Усачёвой*

В оформлении обложки использована фотография города Гаврилов Посад

Подписано к использованию 29.12.2023 г.

Уч.-изд. л. 6,0. 7,1 МБ. Тираж 50 экз.

1 электронно-оптовый диск (DVD-ROM); 12 см

Системные требования: программа чтения файлов в формате PDF 1.5

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru